

Санкт-Петербург Интеллигент

Международная литературно-публицистическая газета. №10 (10), ноябрь 2011 г. <http://provintelligent.ru>, spb-intelligent.web.officelive.com
Газета выходит один раз в месяц. Контакты для участия и сотрудничества, E-mail: spb.intelligent@gmail.com, provint.pashckov@yandex.ru

Только Ты одинокою тенью посети на закате меня

131 Именно столько лет назад родился великий русский поэт, А. Блок. С днём рождения, Александр Александрович! И нас всех поздравляем – с тем, что он был.

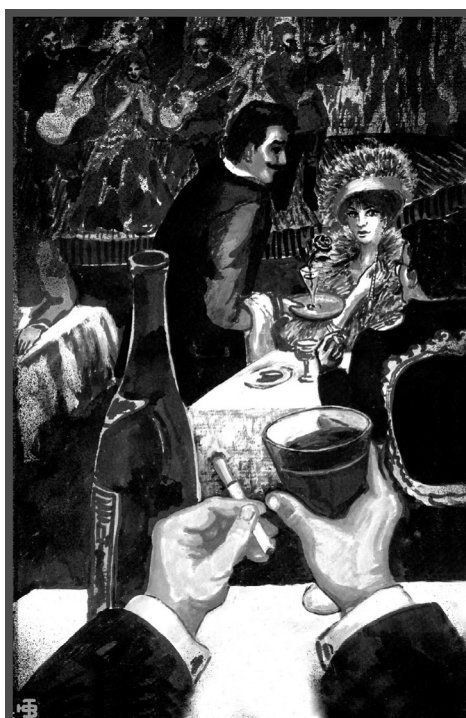
* * *

Вечереющий день, догорая,
Отступает в ночные края.
Посещает меня, возрастая,
Неотступная Тайна моя.

Неужели и страстная дума,
Бесконечно земная волна,
Затерявшись средь здешнего шума,
Не исчерпает жизни до дна?

Неужели в холодные сферы
С неразгаданной тайной земли
Отошли и печали без меры,
И любовные сны отошли?

Умирают мои угнетенья,
Утоляются горести дня,
Только Ты одинокою тенью
Посети на закате меня.

* * *

Я их хранил в приделе Иоанна,
Недвижный страж, —
хранил огонь лампад.

И вот — Она, и к Ней — моя Осанна —
Венец трудов — превыше всех наград.

Я скрыл лицо, и проходили годы.
Я пребывал в Служеньи много лет.

И вот зажглись лучом вечерним своды,
Она дала мне Царственный Ответ.

Я здесь один хранил и теплил свечи.
Один — пророк — дрожал в дыму кадил.

И в Оный День —
один участник Встречи —
Я этих Встреч ни с кем не разделил.

В ресторане

Никогда не забуду (он был, или не был,
Этот вечер): пожаром зари
Сожжено и раздвинуто бледное небо,
И на жёлтой заре — фонари.

Я сидел у окна в переполненном зале.
Где-то пели смычки о любви.
Я послал тебе чёрную розу в бокале
Золотого, как небо, ай.

Ты взглянула. Я встретил
смущённо и дерзко
Взор надменный и отдал поклон.
Обратясь к кавалеру, намеренно резко
Ты сказала: “И этот влюблён”.

И сейчас же в ответ что-то
грянули струны,
Иступлённо запели смычки...
Но была ты со мной
всем презрением юным,
Чуть заметным дрожаньем руки...

Ты рванулась движеньем
испуганной птицы,
Ты прошла, словно сон мой легка...
И вздохнули духи, задремали ресницы,
Зашептались тревожно шелка.

Но из глуби зеркал ты мне
взоры бросала
И, бросая, кричала: “Лови!..”
А монисто брэнчало, цыганка плясала
И визжала заре о любви.

* * *

Мы встречались с тобой на закате.
Ты веслом рассекала залив.
Я любил твоё белое платье,
Утончённость мечты разлюбив.

Были странны безмолвные встречи.
Впереди — на песчаной косе
Загорались вечерние свечи.
Кто-то думал о бледной красе.

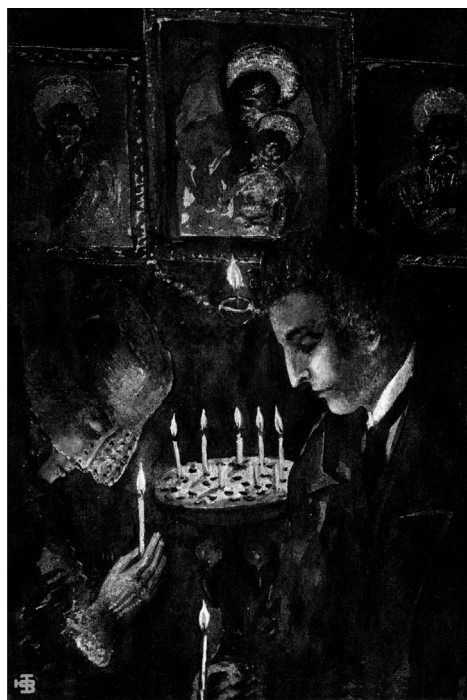
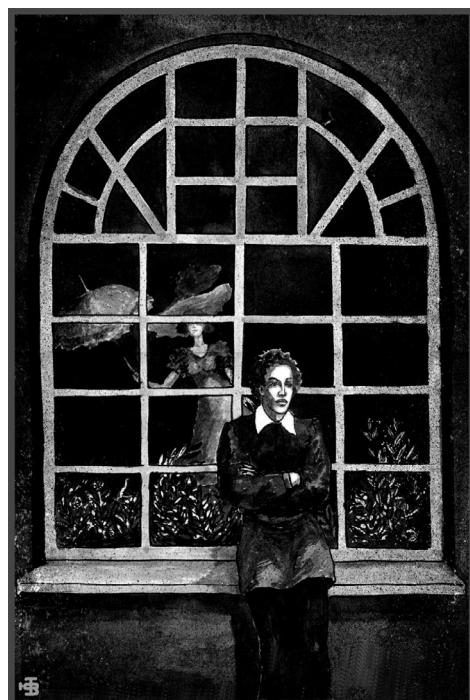
Приблизений, сближений, сгораний —
Не приметит лазурная тишь...
Мы встречались в вечернем тумане,
Где у берега рябь и камыш.

Ни тоски, ни любви, ни обиды,
Всё померкло, прошло, отошло...
Белый стан, голоса панихиды
И твоё золотое весло.

* * *

Там, в полусумраке собора,
В лампадном свете образа.
Живая ночь заглянет скоро
В твои бессонные глаза.
В речах о мудрости небесной
Земные чуются струи.
Там, в сводах — сумрак
неизвестный,
Здесь — холод каменной скамьи.
Глубокий жар случайной встречи
Дохнул с церковной высоты
На эти дремлющие свечи,
На образа и на цветы.
И вдохновительно молчанье,
И скрыты помыслы твои,
И смутно чувствуется познание
И дрожь голубки и змеи.

Иллюстрации Ю.В. Топунова

«Фестивальные страницы»

Эмигрантская Лира 2011

В августе мы обещали знакомить вас с литературными фестивалями, проходящими в разных точках земли. В этом номере мы представляем фестивали «Эмигрантская Лира» (Бельгия) и «Пушкин в Одессе» (Украина), которые позволили ещё раз встретиться поэтам и переводчикам.

А ещё мы хотели бы поблагодарить двух маленьких девочек, приехавших на фестиваль в Бельгии, которые напомнили нам, взрослым, что самая большая радость – это просто бегать наперегонки, не думая о призах и наградах. Впрочем, рассказ об этом – ниже.

Вечерний Льеж стекал тысячами огней от цитадели, расположенной на горе, по многочисленным дорогам, переулкам, тропинкам, лестницам к центру города, разрастаясь внизу до яркого моря света, запахов и звуков традиционной осенней ярмарки, которая гуляет в это в это время года по всей Европе. Каждое первое воскресенье октября Льеж проводит по-особенному, предлагая своим гражданам и всему миру уникальный праздник с мелодичным названием «Ноктюрн», что подразумевает уличную ночную феерию с прогулками по лабиринтам переулков, уставленных самодельными фонариками со свечками. Толпы туристов бродят по таинственно освещенным тропам, то в горку, то с неё, между домов, деревьев, по паркам, попадая на площадки с кафе, уличными музыкантами и циркачами.

Так случилось, что третий фестиваль поэзии «Эмигрантская лира» закончился как раз «Ноктюрном», и поэты, съехавшиеся со всего света в бельгийский Льеж, могли, покинув душный зал музея Валлонской жизни, где проходили конкурсные дни, окунуться в атмосферу праздника. Бельгийский «Ноктюрн» и поэтический фестиваль переплелись в памяти, тем более, что ангел-хранитель «Эмилиры 2011» Александр Оратовский, виолончелист оркестра Королевской оперы Валлонии, на концерте-открытии тонко, деликатно и виртуозно вплёл в канву поэтических выступлений музыкальные произведения Глазунова, Рахманинова, Гершвина, Стравинского, Шостаковича и свою собственную миниатюру по мотивам купринского «Гамбринуса», пересказанного виолончелью так ярко, что история Сашки за несколько минут промелькнула во всей её прекрасной и горестной драматичности.

Сборник третьего конкурса «Эмигрантская лира» начинается статьей организатора и вдохновителя фестиваля Александра Мельника, на чьём энтузиазме и альтруизме родилось и подрастает бельгийское поэтическое детище. Александр, в прошлом исследователь Байкала, отстаивает в статье право фестиваля называться эмигрантским, приводя одним из аргументов юридическое определение эмигранта, как лица, выехавшего на постоянное место жительства в другую страну. Однако фестиваль не ограничен эмигрантской поэзией. Поэты из России выступают в отдельном конкурсе «Неоставленная страна». А ещё в 2011 году литераторам и любителям впервые была предоставлена возможность сразиться в номинации критиков.

По словам одного из судей конкурса, победителя Эмигрантской лиры 2010 в номинации «Неоставленная страна», Алексея Остудина, высокой оценки заслуживает поэт, который способен чем-то удивить, сказать что-то новое.

Убедили и удивили жюри, получив первые места и золотую статуэтку, Римма Маркова (эмигрантская поэзия), Майя Шварцман (критическое эссе про русскоязычного поэта-эмигранта), Марина Борщевская (эссе про нерусскоязычного поэта-эмигранта), Наталья Резник (конкурс поэтов-

переводчиков) и Илья Рубинштейн («Неоставленная страна»).

Проигравших на этом конкурсе не было, так же как была условной и граница между конкурсантами и судьями. Главный выигрыш – возможность поделиться своими стихами, верлибрами, эссе, мыслями с понимающими и слушающими людьми, получить одобрение и послушать других, обогатившись новыми впечатлениями и подзарядив свой творческий потенциал на несколько месяцев вперёд.

Поэтому и члены жюри – Андрей Грицман (США), Александр Мельник (Бельгия), Алексей Остудин (Россия), Александр Радашкевич (Чехия – Франция), Даниил Чкония (Германия), Михаил Этельзон (США) – с удовольствием декламировали свои произведения перед аудиторией и чутко отзывались на аплодисменты и комплименты. Перелистывая страницу сборника, понимаю, что не смогу в рамках небольшой статьи рассказать про всех авторов и процитировать запомнившиеся строки – три дня, проведенные участниками в Льеже и день в Кёльне, где выступали иностранные участники турнира, были уж очень насыщены событиями, выступлениями, разговорами, накалом страстей и экскурсиями. Какие впечатления разнесли по разным уголкам мира участники и члены жюри? Безусловно, сильные и разные. Воспоминаний хватит надолго. То всплывет в памяти загадочная баллада в письмах про гибель империи, прочитанная Настей Андреевой, то нежнейшие строки Лины Гидони, то швейцарское озеро – отрядный собеседник Марианны Полищук, то обаятельный, не помещающийся в формат конкурса, Миша Шерб... А, может, честные искренние строки Марка Шевелева, главная награда которого – крохотный внук – ожидал у входа... Или замечательные песни Ирины Маулер, яркий и живой рассказ Майи Шварцман про Сашу Черного, блестящее эссе про Нелли Закс, написанное Мариной Борщевской, «немыслимые картины мироздания» Галины Вороненко, смешное до колик стихотворение Карины Бахмутской из Германии, которая была выбрана зрителями победителем поэтического слэма.

Остается только выразить признательность Александру Мельнику и его супруге Оксане Коношонкиной за фестиваль, набирающий силу, и закончить строками из Марины Гарбер, которые останутся в памяти в глубоком проникновенном исполнении автора:

Направление не важно, если сильны истоки:

Наводит, унесет... Предсказание неуместно.

Если дышат отрывисто эти строки,

Значит, слово есть шаг, а бумага — бездна.

Наталья Чиркова
 Фотографии Дмитрия Шольца
 и Татьяны Юфит

Майя Шварцман
 Бельгия

Ещё один рассказ о фестивале пришёл нам от лауреата фестиваля, победительницы конкурса критического эссе про русскоязычного поэта-эмигранта, Майи Шварцман. Майя рассказала о фестивале по-своему: неожиданно, талантливо, ярко. Родилась в Екатеринбурге, закончила консерваторию, работала в оркестре театра оперы и балета, ныне скрипач Симфонического оркестра Фландрии. Печататься начала в 1984 году. Из России уехала в 1990 году, живёт в городе Генте (Бельгия).

спирали смыслов, терминов пике
 и словарей раздутых фолианты,
 чтоб только слово в заданной строке
 легко и точно встало на пунты.

Чтоб отразило путь меж двух зеркал
 по вехам букв, по восходящей гамме —
 к созвучию, когда оригинал
 на перевода вспыхнет амальгаме.

Но кончен труд — и каждый бобылём,
 среди своих — удельный частный остров
 с единоличным речевым сырьём
 на языке заточенном, двуостром.

И вот сошлись, не пряча аркебуз,
 и ни один не молвит поневоле
 сердечное прекрасен наш союз.
 Союз — часть речи,
 служба,
 и не боле.

На слух соседей меряют калибр
 и перевода пробуют отделку
 на зуб, на клык... и в довершение игр,
 ревнуя втайне, переводят — стрелки.

Латунью позолоченный трофей
 стоит приманкой перед целым залом.
 ...Но главный приз снуёт среди людей
 под шиканье сердитых принцепалов.

2
 Ещё неясно, кто король всех лир,
 кому благоволит стечение чисел,
 кто повернёт весов тугой шарнир
 и перетянет чей словесный бисер,

ещё неясно, кто дикует стих,
 и тот ли правит, кто сидит на козлах.
 ...Две девочки, две лёгких запятых
 в завистливом и плотном
 тексте взрослых,

вдвоём, укорам нервным вопреки,
 самозабвенно носят в обнимку —
 трилистников четвёртые листки,
 Ирландии и Фландрии тычинки.

Приехав из разноязычных стран
 скучать при взрослой
 дружбе рукопашной,
 они минуют конкурсный капкан
 тщеславия и паутину шашней.

И светится шербатая строка
 зубов молочных, настезь, без испода, —
 подстрочником, которому пока
 на языки не нужно перевода.

Не замечая старших, кто, свербя
 улыбками, друг друга ест вприкуску,
 две девочки, два русских воробья,
 смеясь от счастья, говорят по-русски.

Наталья Чиркова
 Ирландия

Родилась в Ульяновске. Жила в Москве, Бад Наугейме (Германия), Чарльстоне (США). Теперь живёт с семьей в Дублине (Ирландия). Финалист «Конкурса поэтов-переводчиков», Наталья любезно предоставила редакции «Интеллигент» несколько своих неконкурсных переводов стихов армянского поэта Виктора Овсепяна (1948-1996). Редакция и переводчик благодарят Саака и Гисану Овсепян за трепетную память об отце, предоставленные подстрочки и разрешение на публикацию.

Переводы из Виктора Овсепяна

Испуганный глаз

Как только испугался глаз, так сразу
 Увидел темноту он в белом свете,
 Уродство в красоте, и новшество этих
 Бойся глаз несчастный, как проказы.
 А я боюсь испуганного глаза.

Турнир переводчиков

Н. Шольц

1

В мансарде льежской воздух загустел
 от духоты и грозного настроения
 к сраженью приготовившихся тел
 для выяснения главного героя.

К оружию, переводчики!

В горсти
 держа щепоть стихов чужих америк,
 с неведомого — как перевести
 к своим? Как через улицу; на берег

домашнего, родного языка,
 бегом ли, шагом, запинаясь шатко
 о валуны размеров, о бока
 артиклей, о словесную брусчатку,

«Фестивальные страницы»

Наталья Чиркова
Ирландия

Надежда и страх

Подумать только, не было бы нас,
Жила б надежда на рождение наше,
И даже грустно, что мы есть сейчас —
Небытие градуемо нам страшно.

* * *

Не возводи столпов воспоминаньям —
Умерь своё строительное рвенье —
Они преградой станут в наказанье
На склоне дней желанному забвенью.

* * *

Накал невыплаканных слёз
Взорвётся в теле нервной болью.
Воздержанной любви мороз
Бесцветьем краски обездолит.
Любви воздержанной мороз
Бесцветьем краски обездолит.
Накал невыплаканных слёз
Взорвётся в теле нервной болью.

**Будущее ребёнка,
назвавшего короля голым**

За Андерсена сказку допишу —
Вторую часть про голое Величество:
«Озвучившему правду малышу
Смерть суждена от раздвоенья личности».

А судьи кто?

Мы представляем подборку трёх членов
жюри поэтического фестиваля «Эмигрант-
ская Ли́ра — 2011»: А. Остудина (Россия), М.
Этельзона (США) и А. Мельника (Бельгия)

Алексей Остудин
Россия

Родился в Казани в 1962 году. Учился в
Казанском государственном университете, на
Высших литературных курсах при Литератур-
ном институте.

Публиковался в журналах «Смена», «Сту-
денческий меридиан», «Новый мир», «Октябрь»
и многих других периодических изданиях. Вы-
пустил шесть книг стихотворений в издатель-
ствах Харькова, Киева, Петербурга, Москвы
и Казани («Весеннее счастье», «Шалаш в раю»,
«Улица Грина», «Бой с тенью», «Рецепт невос-
мости» и «Проза жизни»). Трижды лауреат Во-
лошинского конкурса; за книгу «Проза жизни»
в 2007 году награждён премией им. М. Горького.
Живёт и работает в Казани.

Долгие провода

Не говори, что время позднее,
вот верный признак потепленья —
снег, свежавывающий из поезда,
мои разбитые колени.

К чему влюблённым мудрость ворона?
Важней ушные перепонки.
Тебе за пазуху даровано
спокойствие души ребёнка:

там сохнет лук в чулке за печкой.
дверь открывается со скрипом,
печалится, что зябнут плечи,
сверчок, владеющий санскритом.

А твой герой не вяжет лыка
в разгар свечи и ночи жалок...
В углу шотландская волынка
стоит снопом из лыжных палок.

Он из фольги приклеил фикса,
обиженную скорчил рожу.....
Что из того, что счастье близко,
когда сейчас — мороз по коже!

Вопль

Снова номер неправильно набран.
Цифровыми измученный гостями,
я соврался, веду себя нагло —
сочини меня заново, Господи!

Понимаю, не Гайдн или Мендель
что-то вроде на уровне Листа бы...
Ты не слышишь меня или медлишь —
или вновь быть боишься освиственным?!

Последний блин

Всё кажется твоя рука мне
сигналист с катера платком...
Вода изранена о камни
и притворяется глотком.
А мне чего-то очень жалко,
как заболевшего шенка...
Бежит, подпрыгивая, галка
со спичками от коробка.
Покрышкой на цепи отмечен,
причал — терпению цена!
А вот и мать домой, под вечер,
ведёт за ухо пацана.
Бросаю камушек по глади —
его проглатывает рябь.
Как это выразить в тетради,
выстраивая буквы в ряд?
Воздушным поцелуем с пальцев
и я надежду упустил...
Куда же — за мои шестнадцать —
горячий «блинчик» укатил?

Дорога

Опять к тебе с обочины опасной
раба любви с надеждой руки тянет...
Из-за спины её разметка трассы
короткими строчит очередями.
Хоть грешников рассадит по ранжиру
мир хаоса, что всё-таки Евклидов —
не отыскать местов для пассажиров,
которые с детьми и инвалидов.
Упрёшься в пень, но выйдешь за кавычки
копны люцерны, пущенной на силос,
и некому нарочно чиркнуть спичкой,
чтоб осознать, какая тьма сгустилась...

Не моё кино

К асфальту фонарями приторочен —
растянут снег и соткан в полотно.
Запущено в прокат до часу ночи
прогулки черно-белое кино.
Известно, чем закончится картина,
понятно, кто кого уговорил!
Помогут ли уплыть из карантина
спасательные пачки балерин?
Курилка жив! В чести герой вчерашний —
нашёлся гардеробный номерок!
Мосты не разведут, как прежде, шашни —
и небо не провалится у ног.
Надеждою на лучшее измотан,
по-прежнему натужен в кураже,
гоняет Джека до седьмого пота
а тот не пишет Идена уже....

Михаил Этельзон
США

Родился в 1959 г. в Виннице. С 1977 по
1989 учился и работал в Ленинграде. Окончил
Ленинградский политехнический институт и
Московский институт патентной экспертизы.
Печатался в многочисленных периодических
изданиях в России, Канаде, Англии и США.
Автор двух книг: «Соло» (Нью-Йорк, «Слово/
Word», 2006 г.) и «Под Созвездием Рака» (Санкт-
Петербург, «Европейский Дом», 2006 г.). В на-
стоящее время живёт в Нью-Йорке.

* * *

Я видел двор, где сломаны качели,
песочница разбита и пуста,
останки заржавевшей карусели,
от горки детской — только пьедестал.
Но шум весёлый слышался над этим,
напоминая жуткое кино...
Казалось, навсегда исчезли дети,
а взрослые, пропажи не заметив,
играли увлечённо в домино.

Выходной

И. Лейкиной

И всё-таки, как ни крути,
не вырвать себя из рутин:
из тины, из тлена, из буден...
Исчерпаны тысячи тем,
и эта закончится тем:
запишем, зачтём и забудем.
Ну вот, воскресенье... и дождь.
Смотри за окно и итожь,
в уме пересчитывай годы.
А утром работа опять,
и ставишь будильник на пять,
во сне догоняешь вагоны.
Вокруг полутёмный тоннель
и тени друзей на стене:
и Женя, и Жора, и Вовка;
и свет после тьмы за спиной,
и выход — ну да — выходной,
вернее, в пути остановка.
Ещё не твоя, не твоя,
и ты продолжаешь вояж,
закочан в газеты, как в латы.
Конечная... Будит сосед.
Проснёшься — и болен, и сед —
и ищешь наверх эскалатор.
И что выбирать тебе из —
везут они вниз, только вниз...
а вверх — не работают оба.
Ты думаешь, зря я — пройдёт,
и этот поднялся, и тот...
Так я ведь не против — попробуй...

Манхэттен

Как допотопный ящер,
внушая миру страх,
уверенно стоящий
на лапищах-мостах,
вцепившийся в соседей —
Нью-Джерси, Бруклин, Квинс,
сквозь уличные сети
смотрящий в даль и высь,
шипам небоскрёбов
распугивая птиц,
кроя небес утробу
и облачный батист,
шипящий и ревуший,
на то и остров — остр,
на части часто рвущий
людские души — монстр;
запретный и заветный
и плод, и дикий зверь —
на въезде в заповедник
народов, рас и вер.

Пора

Пора подводить итоги...
На грани, у той черты,
где, трижды не веря в Бога,
к нему обратишься ты.
Узнать незнакомый голос,
как имя твоё зачтёт...
разбиться на сто осколков,
пытаясь шептать «за что...»
Пора подводить итоги...
Пора, хоть себе не лги,
свои вспоминать истоки,
сполна отдавать долги.
Признаться в своих ошибках
и даже — своих грехах,
у времени на отшибе,
у памяти на руках.
Пора подводить итоги...
Сказать языком простым
немного, но очень многим:
«простите» и «я простил».
Увидеть свою дорогу,
листая фотоальбом:
родных и друзей потрогать,
как будут они — потом.
Пора подводить итоги...
Пока их не подвели,
уже примеряя тогу,
уже на краю земли.
Оглохнуть к пустым восторгам,
немая, не чушь нести...
Пора наконец исторгнуть
один настоящий стих.

Александр Мельник
Бельгия

Родился в 1961 году в Молдавии. Окончил
Московский институт геодезии, аэрофотосъём-
ки и картографии (по специальности «морская
геодезия»). С 2000 года живёт в Бельгии. Доктор
наук. Публиковался в поэтических сборниках и
журналах Бельгии, Великобритании, Израиля,
Латвии, России, США и Финляндии. Автор книги
стихотворений «Лестница с неба» (2010 г.). Автор
проекта и организатор Всемирного поэтическо-
го фестиваля «Эмигрантская лира» (<http://www.emlira.ucoz.com/>).

* * *

Громяхают плацкартные дроги
на ухабах железных дорог.
Две попутчицы, две недотроги
ищут в тёмном окне Таганрог.

Льются с неба закатные краски
на забытые Богом края.
Птицей-тройкой промчалась,
как в сказке,

быстролётная юность моя.

С перестуком колёс не поспоришь...
Рдеет солнце за чёрным окном,
покрывая Азовское море
ослепительно-красным вином.

Чудо в Кане становится былью —
не забыл, не оставил нас Бог.
Мчится поезд над жёлтой ковилью
по ухабам железных дорог.

* * *

Официант - что та же черепаха,
но ты, смеясь, лучишься теплотой.
Мой подбородок выскобленный пахнет
одеколоном — кёльнской водой.

Горсть золотых монет, подобно Зевсу,
бросает солнце прямо на собор
через прореху в облачной завесе.
Даная божеству даёт отпор,

с меня стирая брызги от фонтана.
Свиная рулька плавает в соку
на выносной веранде ресторана.
Платан немало на своём веку

наслушался волюнок и свистуллек,
и я молчу, доверив руль судьбе,
но чем быстрее исчезает рулька,
тем глубже омут, спрятанный в тебе.

Отель напротив чёрного собора
от натиска немного оробел -
мы пьём друг друга, чуть задёрнув шторы,
под фугу Баха в сотню децибел.

* * *

Стареем, старина, и к перемене мест
охота к нам теперь приходит неохотно.
Привычный зуд в ногах
прошёл бесповоротно,
как будто бог дорог
на нас поставил крест.
Но коль не выдаст бог,
когда свинья не съест,
я брошу свой закат

и с восходящим солнцем
отправлюсь на восток к каким-
нибудь японцам
отведать их сакэ на краешке земли.
Мне прошлое моё откроется вдали —
таёжные края и город у Байкала,
где жил я, не тужил,

где из последних сил
прирученную Музу дома сторожил.
Горгоня в доме том жила на дне бокала
со змеями на лбу, но от её оскала
я с Музой убежал за дымный горизонт.
Так молодой кайман бежит от анаконд,
не зная, что змея слабее крокодила.
Да было ль это всё? Увы, всё это было...

«Фестивальные страницы»

Одесса

«Пушкинская осень в Одессе-2011»

С 15 по 19 сентября в Одессе проходил 4-й Всеукраинский фестиваль русской поэзии и культуры «Пушкинская осень в Одессе-2011». Фестиваль проводил организатор крупнейшего форума поэзии русского зарубежья «Пушкин в Британии» Олег Борушко (Лондон). В Оргкомитет поступило 215 творческих работ из 48 городов и населенных пунктов Украины. В финал – на Всеукраинский Турнир поэтов – было отобрано 18 авторов из семи регионов страны.

Фестиваль начался с установки мемориальной доски Льву Сергеевичу Пушкину (1805 – 1852 гг.) на здании «Пассажа» по ул. Дерибасовской, 33.

Вот что сказал о финалистах и победителях фестиваля один из участников жюри, В. Спектор (г. Луганск), руководитель Межрегионального Союза писателей и сопредседатель Конгресса литераторов Украины:

«Все они были хороши и достойны победы. Но она не делится на всех. Победитель всегда один. Поэзия, естественно, не математика, где высшим баллом оценивается только верное решение уравнения или задачи, здесь всегда присутствует элемент субъективности. И, всё же, отсутствие предвзятости плюс изначальная доброжелательность жюри делает его выбор максимально справедливым (и, к тому же, единодушным).»

Киевлянка Анна Гераскина в своих стихах была чуть более точна, оригинальна и близка к общепризнанному поэтическому канонам. И потому именно она стала поэтической Королевой, получив награды, о которых можно только мечтать. Это приз канала TVCі – оплаченная поездка на остров Бали (Индонезия) в октябре этого года для участия в одном из крупнейших литературных фестивалей, а также приз Федерального агентства «Россотрудничество» – оплаченная поездка в Лондон и Кембриджский университет для участия в турнире поэтов русского зарубежья «Поверх барьеров» в июне 2012.

Кстати, выбор публики был иным – приз зрительских симпатий получила Ольга Ершова из Одессы – её ослепительная улыбка, обаяние и остроумие весьма способствовали этому. Второе место на фестивале разделили 15-летняя Анна Грувер из Донецка и Екатерина Чудненко из Одессы». (цитируется по материалам альманаха «45-я параллель»)

Мы рады познакомить читателей поэта, отмеченного на этом фестивале «любовию народной».

Ольга Ершова

Родной город – Одесса. Окончила Одесский национальный университет имени И.И. Мечникова, специальность «прикладная лингвистика». Пишу стихи, сценарии, пьесы.

* * *

Как знать, что вам принес июль?
Каких-то кладезей нежданных,
Примерностей...
А может Юль,
Марин и Кать принес июль?
Кто был прострелом ваших пуль
Так поражен,
Мой долгожданный?..
Как знать, быть может, Вас навеки
Похитили из забытья,
И вы в лазоревых ручьях
Любвей, из коих ваши веки
Отраду пьют?
Июль жесток...

* * *

Вы такой неизбежно нежный:
Как декабрь, покров снежный,
Вы выносите свой прилежный
Исключительный низкий тон;
Ваших глаз лучистые бездны
Так напыщенны и помпезны;
Так не будет ль столь любезны
Выйти вон?..

* * *

Вы совершили непростительно
Бездумный шаг,
Не оценив, как исключительна
Моя душа;
Хоть я жалею в заключении
Лишь об одном:
Что вы не высказали мнение
Об остальном...

* * *

Вино, наструщи и блюз,
И вечер много обещает...
Ах, да: ещё я вас люблю,
Но пусть вас это не смущает...

* * *

Налейте мне мускатного вина,
А дальше всё пройдет легко и гладко,
Пусть не тревожит Вас, что я умна:
Я тщательно скрываю недостатки...

Павел Ганжа
Россия

Родился в 1973 году в с. Тасеево Красноярского края. По образованию – юрист. Окончил юридический факультет Красноярского государственного университета, работал в органах прокуратуры. С 2002г. – практикующий адвокат. Проживает и работает в г. Красноярске. Писать стихи начал в 1991 году. Автор нескольких поэтических сборников.

Аэрофобия

Четвёртое покушение на сонет

Хотелось бы взлететь,
но что-то вечно трушу.
И крыша высока, и сломано крыло.
Тушу пожар в душе, а собственную тушу
Храню и берегу, как хрупкое стекло.

А вдруг я упаду, и плоть свою разрушу –
Икару, например, не очень повезло...
Душу в себе мечту и присыпаю душу
Несмело мелом тем,
что с крыши намело.

Не плыть мне в облаках.
Возможно, “против” боги.
Как будто приросли,
к земле примерзли ноги,
И тропки для разгона снегом занесло.

Да, я боюсь летать,
но верю, что в итоге
Однажды воспарю в небесные чертоги
Всем демонам, чертям и ангелам назло.

* * *

Ау, принцессы! Где вы, в самом деле?
Попрыгались за стенами дворцов?
И не слагают песен менестрели
О вас. Как будто в мире нет творцов.

И ныне вас не встретишь
в повседневной,
Спешащей и кипящей, суете.
Нос к носу не столкнёшься
вдруг с царевной,
В её не захлебнёшься красоте.

Сегодняшние дамы неспособны
На подвиг вдохновить. Порвалась нить
Времен. Они слегка богоподобны...
Но нет в них...и чего – не объяснить.

Наивности и веры в чудо, что ли?
Харизмы, шарма или теплоты?
Они не жгут себя – играют роли,
В их душах слишком много пустоты.

Из тысяч глаз не сыщешь
двух бездонных.
Из редких умных –
добрых только треть.

Зато десятки злых и сотни томных
Не прочь убить и взглядами раздеть.

Уныло это. Где же вы, принцессы?
В палатах? Вряд ли... тамошний мирок,
Банальный, пошлый

в духе жёлтой прессы,
Взрастить способен разве что порок.

А вдруг вы обитаете в лачугах,
Убожеством мечту припорошив?
Скрываетесь в знакомых и подругах,
В которых свет волшебных сказок жив?

И нет у вас особенных амбиций.
Хотя у каждой есть и честь, и стать –
Любая может быть императрицей...
Но принцев тоже стало не хватать.

* * *

Бывают же счастливики на свете.
Их спины не секут чужие плети,
И горький привкус слёз неведом им.
Летят по этой жизни как в карете.
Дают им власть. А быть за всё в ответе
Потом, увы, достанется другим.

Не кормит их упорная работа
В мозолях грубых и слезинках пота.
Успех всегда приходит сам собой.
Им чужды повседневные заботы,
К рукам их липнут крупные банкноты.
Они любимы ветреной судьбой.

Иным же не досталось этой доли.
В трагедиях они играют роли
Несчастных жертв, зарезанных овец,
Где хрипом часто давятся от боли.
Живут и размножаются в неволе,
Считая дни, когда придет конец.

Четыре тысячи недель

*Срок человеческой жизни.
Приблизительно.*

Четыре тысячи недель...

Пройти бы до конца.
Минуя рифы, шторм и мель
И девять грамм свинца.

Четыре тысячи недель.

Дорога в никуда.
Стекает с душ людских апрель,
Как вешняя вода.

Четыре тысячи недель.

Такой короткий срок.
Длиннее даже птичья трель...
Письмо из пары строк.

Четыре тысячи недель

Стирают мир в песок.
И пуля ляжет точно в цель,
Ведь эта цель – висок.

Четыре тысячи недель

Страданий и борьбы
Растают, словно карамель
Во рту у злой судьбы.

Четыре тысячи недель.

Мазок на полотне.
Художник Вечность. Акварель.
И свет, и тьма в окне.

Четыре тысячи недель.

Чудесное кино.
Несёт по кругу карусель –
Сойти не суждено.

Четыре тысячи недель.

Чуть слышен бой часов.
Едва примятая постель,
Незапертый засов.

Четыре тысячи недель.

Явь, полудрёма, сон.
И сладок времени кисель,
Кислит любви лимон.

Четыре тысячи недель.

Срок неприлично мал.
И воет радостно метель,
Предчувствуя финал.

Четыре тысячи недель...

В глазах уже темно.
И пряжей сделало кудель
Давно веретено.

Банальное

Любой из смертных – пленник тела,
Пусть он орёл, пусть даже лев...
Душа как будто отлетела,
Ни разу так и не взлетев.

Привычек узы крепче стали,

И людям их не одолеть.
Мы все о низменном мечтали,
То пряник пробуя, то плетя.

А о далеком и высоком
Подумать было недосуг.
Кораблик-жизнь несло потоком...
Водоворот, за кругом круг.

Банальна сказочка такая –

Не оторвались от земли.
Ведь крылья, сильно намокая,
Поднять душонки не могли...

Любой из смертных пленник тела,
Пусть он орёл, пусть даже лев.
Душа как будто отлетела,
Ни разу так и не взлетев.

В конце 2007 года вышел в свет первый номер литературного альманаха русскоязычной мировой диаспоры «Под небом единым» и уже в начале 2008 года читатели многих стран смогли ознакомиться с творчеством тридцати русскоязычных авторов из таких стран, как Австралия, Германия, Дания, Израиль, Иордания, Испания, США, Финляндия, Франция, Чехия, Швеция, Эстония. К 2011 году под нашим единым небом русскоязычных писателей оказалось уже шестьдесят авторов из 20 стран мира!

Концепция молодого, но, в полном смысле этого слова, широко межнационального проекта альманаха «Под небом единым», выпускаемого Международной Творческой Ассоциацией «Тай-вас», может быть сведена к формуле: русский язык — главная основа международного «сотворчества»; международное сотворчество — основная составляющая международного «содружества».

Каждый из авторов, продолжая мыслить, творить, писать по-русски, вместе с тем неизбежно вносит в общее литературное дело элементы, черты, детали национальной культуры той страны, которую он представляет. И в этом — коренное отличие нового издания от многочисленных подобных альманахов, организованных либо по «национальному», либо по узко «географическому» принципам.

Ибо для литераторов, живущих в разных уголках Земли, но имеющих единый языковой стержень, русский язык — способ не только личного, но и художественного общения — и обогащения литературных традиций русскоязычной диаспоры.

Идея альманаха, объединяющая литераторов, живущих за пределами России и пишущих по-русски, — не нова. Такие попытки предпринимались и ранее. Но только теперь, благодаря Интернету, это стало возможным, ибо всемирная сеть стерла расстояния, мы действительно стали одной семьёй, живущей под единым небом.

Однако, почвой для всех авторов, собранных под этой обложкой, является русский язык. Язык, который, может быть, утерян ими в повседневном общении, но с тем большей силой заставляет оторванного от Родины человека браться за перо (то есть, садиться за клавиатуру компьютера), чтобы поведать миру свои мысли и чувства.

Многие люди, по разным причинам покинувшие Россию, начинают серьёзно писать, заниматься литературным творчеством, только оторвавшись от неё. И это вполне объяснимо. Русский язык, русская письменная речь остаются нитью, связывающей вольного или невольного эмигранта с местом, где он родился.

Здесь собраны очень разные авторы — по возрасту, литературному стажу и литературным способностям. Все они нанесены на литературную географическую карту в демократическом алфавитном порядке стран, где они живут и работают. Проглядев содержание, можно лишь удивиться, насколько широка география русскоязычного литературного творчества. Прохладная Дания соседствует с жаркой Иорданией, а огромные Соединенные Штаты с небольшой Финляндией. Всем нашлось место, и каждый по мере сил вносит свою краску в эту пёструю картину.

Кстати, о Финляндии. Именно здесь идея альманаха русскоязычной литературной диаспоры нашла свою поддержку. И это неудивительно, ведь Финляндия не только ближайшая соседка России, связанная с нею многими историческими и экономическими узами. Эта страна, как мало кто в мире, умеет находить общий язык с представителями разных народов, ведёт исключительно миролюбивую и дружественную политику по отношению ко всем странам мира и всемерно расширяет культурные связи.

И Санкт-Петербург — ближайший к Финляндии большой русский город, северная столица России — тоже не случайно оказался в этом проекте, потому что многие авторы альманаха родились здесь, начали свой литературный путь и поддерживают с городом постоянные связи. Это точка отсчёта для многих из них, и это точка отсчёта великой русской литературы, которую начинали здесь Пушкин и Гоголь и продолжали Достоевский и Блок. Рядом с этими великими именами непросто, но они не только строгие судьи, но и ориентиры, вершины, зовущие к неустанному совершенству.

Путешествие по миру продолжается!

*Александр ЖИТИНСКИЙ,
писатель, директор Центра
современной литературы и книги
(Санкт-Петербург, Россия)*

*Елена ЛАПИНА-БАЛК,
писатель, главный редактор альманаха
«Под небом единым»
(Хельсинки, Финляндия)*

Лада Миллер
Канада

Родилась в Новгороде в 1965 году. Школу закончила в Воркуте, медицинский институт — в Саратове. Сразу по окончании в 1991 году уехала с семьей в Израиль. Работала до 2002 года врачом терапевтом, а затем реаниматологом. С 2002 года живет в Монреале. Сдала экзамены, летом начинает работать врачом. Одновременно работает журналистом в русской газете, пишет репортажи, в основном на театральную и литературную темы.

* * *

Сегодня — любя и негромко.
Ну знаешь, без этих фанфар...
Листает шальная поэмка
Сквозной невесёлый бульвар.
Сегодня — любя и негромко.
Лови ж безыскусную речь...
Пусть фраза — рыдание скомкав —
Поможет дыханье сберечь...
Сегодня — любя и негромко.
Читай. Усмехайся. Шепчи.
На память... На самую кромку.
И молча — во сне — перечти...
Сегодня — любя. Это значит
Расслабиться — вдруг повезёт?
Любовь — только кажется — кляча,
А вскинется — так понесёт!
Сегодня — любя и негромко.
А завтра? Да хоть и пропасть!
Слова подстилаю соломкой,
Чтоб вместе с разбегу упасть.

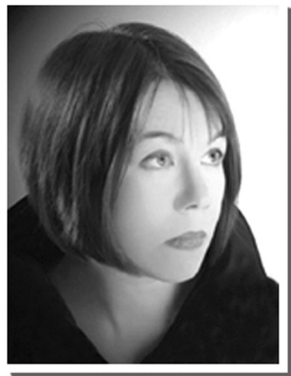
* * *

...А там — цветёт малиновый закат...
Не осень, нет... Ещё не время плакать...
Ещё земли не загустела мякоть.
Небес перебродивший виноград —
То сладкий дождь,

то приторная слякоть...
Смеркается... Ещё чуть-чуть пыльцы —
И вот уж краски гаснут, звуки тают
(За облаком на дудочке играют,
Да листьев золотые леденцы
Дрожащим звоном вечер наполняют).
Вот так всегда — пригубишь красоты —
И кажется, что большего не надо,
Чем наблюдать из гаснущего сада,
Как пчёлы, обжигаясь о цветы,
Несут домой кусочки мармелада...

* * *

Он смотрит мимо... мимо... Мимо —
Но пристально... Его не жаль.
Он — человечество без грима.
Скукожившаяся печаль
Лежит под сумраком сетчатки
Не удивляющихся глаз...
Он — оплеуха без перчатки...
Урод... Насмешка... Свистопляс...
Юродивый... Блаженный... Сирий...
В лохмотьях праздничных острот.
Он не от мира... Не от Мира —
А в Мир — спасение несёт.
У пьяной нянечки икота.
Девчонки с лицами старух.
Решетки. Хлорка. Запах рвоты...
И мальчик-даун... Светлый Дух...

Екатерина Горбовская
Англия

Родилась в Москве. Училась в Литературном институте им. Горького. Печаталась в журналах «Юность», «Литературная учёба», в альманахе «День поэзии» и различных периодических изданиях, поэтических сборниках и антологиях («Московская муза 1799 — 1997», «Строфы века», «Русская поэзия XX Век» и др.). Автор двух поэтических сборников: «Первый бал» и «Обещала речка берегу». С 1991 г. живёт в Лондоне.

* * *

Утро вечера мудренее —
Но длиннее
И длиннее.
Утром вечера —
Словно не было,
И не спрашивать
больше «Где была?»
Я во сне была —
Там Вас не было.

* * *

Вот была б я молоденькой, худенькой —
Я б такие носила платища!
А тут в зеркало глянешь — Господи!
Ну, на что тут, скажите, тратить...
А с тех пор, как между нами всё кончено,
Мне повсюду мерещатся белочки,
Тараканы и всякие прочие
Быстробегающие мелочи.
И я даже была у доктора.
Доктор выслушал — и расстроился,
Говорил мне про симптоматику,
И про то, что за этим кроется...
Вот была бы я старенькой, кривенькой —
Я взяла бы тебя на жалость,
Я б схватила тебя,
Тряслась бы вся —
И держалась, держалась, держалась...

* * *

Я всё поймать хотела взгляд,
А он скользил за вырез блузки.
Вы мне сказали: «Я там рад...» —
А так не говорят по-русски,
И не касаются рукой
Чужих, ненужных Вам коленок...
И что за взгляд у Вас такой —
Вам как — из горла иль из вены?
...Когда б мы не были «на вы»,
Вам не сносить бы головы.

* * *

Она была прекрасна и чиста,
И были высоки её полёты,
Она читала Моцарта с листа
И думала, что Моцарт — это ноты.
Она брала волшебный свой смычок
В прекрасные, поставленные руки,
Она играла Моцарта — как Бог
И думала, что Моцарт — это звуки.
Вот скрипка. Сцена. Вот она сама.
И зал — как души спасшихся из ада.
Она сводила публику с ума
И думала, что так оно и надо.

* * *

Я любила бы овощи —
если б только не брокли.
Я любила бы дождь —
если б ноги не мокли.

Я любила бы лето —
если б так не потелось.
Я любила бы Вас,
Если б так не хотелось...

* * *

Мне кошка вслед кричала: «Дура!»
И пыль слетала с абажура,
Когда я хлопала дверьми:
Ты этого хотел? — Возьми!
Меня крутило и вело,
И я искала помело —
Нашла. Слетала. Помогло —
И отошло, и отлегло...
И нам ли, милый, быть в печали —
Цветы и ужин со свечами...
Хотелось жить, хотелось петь,
Хотелось лечь и умереть.
И слёзы капали в вино.
А свечи гасли. И темно...
Соседка знает за стеной,
Что мы живём как муж с женой.

Людмила Свирская
Чехия

Родилась в Алма-Ате (Казахстан). Окончила филологический факультет Барнаульского университета. Работала учительницей в лицее для одарённых детей. С 1999 г. живёт в Праге. Автор пяти сборников стихов. Член Союза русскоязычных писателей в Чешской Республике и литературного объединения «Влтава». Печаталась в газете «Чехия сегодня», журнале «Русское слово», в сборниках «Вчера и сегодня» и «Течёт река Влтава».

* * *

И снова счастье у тебя в руках:
Трепещет карандаш, дыша на ладан...
Мы говорим на разных языках,
А пишем на одном. И я из ада —
Сквозь белизну листа — к тебе тяну
Строк позабытых высохшие русла...
Прости за то, что мир идет ко дну
Метафорой напыщенно-безвкусной...
Ночного неба загнуты края,
Крупинки звезд лелеет Бог-старатель...
...Когда строки моей забьет струя —
Подставь ладонь:
ведь столько сил истратил...

* * *

Я успела в последний вагон,
Задыхаясь, стою на подножке.
Позади расставания звон,
Поцелуев прилипшие крошки.
Я в последнем вагоне! Жива,
Переведшая дух с облегченьем...
Дрогнув, тронулся поезд едва,
А куда — не имеет значенья.

* * *

Английский чай давно остыл,
Засохли пряничные крошки.
Как разведенные мосты,
Торчат из сахарницы ложки.
Волной горячей смоем с губ
Тщету надежд, молитв, исканий...
Я надышаться не могу
На одиночество в стакане.

* * *

В тетради больше чистых нет листов,
И на полях нет места — справа, слева.
Душа пуста, как ваза для цветов.
В шкафу, на полке, в доме старой девы.
И сердце бьётся, будто сквозь стекло,
Как солнца луч в подземном переходе,
И ангелу-хранителю крыло
Подбили на божественной охоте.
Белеет наболевшая трава —
Чужой зимы нечаянная свита.
И буквы не слагаются в слова,
Как будто из другого алфавита.

Лизе

“Под небом единым”

Юлия Резина США

Родилась, училась и работала в Москве, в настоящее время живёт в Америке. Автор сборника стихов «Колодец сновидений», книги повестей «Ветер времени», а также ряда публикаций в коллективных сборниках и периодических изданиях (альманахе «Истоки», журналах «Слово/Word», «Работница» и др.). Лауреат Международного конкурса поэзии «Серебряный стрелец» (2010).

* * *

На призыв неведомой печали,
На манок любви невыразимой,
К свету Слова, бывшего в начале,
День и ночь уходят пилигримы.
В одиночку, всяк своей тропой,
Позабыв обеты и вендетты,
За бесценным даром — за Строкою
Пилигримами идут Поэты:
Над сырой сиренью, лугом росным,
Мимо рук единственной любимой,
Мимо дружб, родительских погостов —
Следом в след Судьбы неумолимой...
Брат не перережет горло брату,
И сердца не обеднеют Светом,
Потому, что все придут обратно —
Ходоки за дальний берег Леты.

* * *

Лето, лето — лень с ладони
Кормит спелой земляникой.
Над корнями крон короны —
Изумруды, сердолики.
Сердоболье — сердца спелость:
«Ангел, нет тебя дороже!»...
Отзвенела юность-смелость
Гнать гнедых по бездорожью.
Лето, лето... Бездна Леты
Вдруг нахлынет и отпустит.
Эфемерности приметы,
Повсеместны устья грусти...
В землянике губы — раной —
Залечу и растрезожу...
Земляничная поляна ...
Ангел, нет тебя дороже!

* * *

Ну, что не летишь, мой крылатый,
Над этой застывшей водой?
Давно не кормила утратой?
Давно не поила бедой?
А полные звёзд в полнолуние
Корзины созвездий не в счёт?
Душа моя — птица-вещунья —
Забытые песни поёт.
Не веришь. Иль этого мало?
А то, что стоит у дверей
Тот князь — молодой да удалый —
Что рухнет на тризне моей.
Ещё и в глаза не глядели,
Ещё не коснулся руки,
А в сердце взлетели качели,
А в горле проснулись стихи,
И море волну раскачало —
Замыслило грозы, дожди.
Крылатый мой, это — начало.
У нас небеса впереди!

* * *

Снега, сугробы, первая лыжня,
Летающая, как почерк гимназистки,
Домов продрогших каменные списки,
В камине песня древняя огня.
Подснежники сомнамбулы-весны —
Сгушение грёз и нежного тумана,
Смятенье чувств от взрыва до обмана,
Букварь небес, провидческие сны.
Рулады птиц, рулоны облаков,
Озоны гроз июльского разлива.
Жизнь молодая, как страсть, нетерпелива,
Слова, слова — бессмертьем метельков.
Осенний день, как слёзы в ноте «соль».
Судьбы цыплята: дети, строфы, тризны...
Беспутная и страшная отчизна —
Фантомная, пожизненная боль.

Михаил Левин Германия

Родился в 1960 году в Нижнем Новгороде. Окончил историко-филологический факультет Горьковского педагогического университета и Волго-Вятскую академию государственной службы. По профессии журналист, член Союза журналистов России. С 2005 года живёт в Германии (Аугсбург).

Стихи публиковались в российских и русскоязычных немецких газетах и журналах, в альманахах и коллективных сборниках России, Германии, США. Автор четырёх книг стихов.

Оборотень

О нет, меня не тянет в стаю,
Не надо ставить мне в вину,
Когда я шерстью обрастаю
И завываю на луну.

Мне самому обрыдло это,
По горло сыт такой судьбой,
Но очень нужно до рассвета
Порой побыть самим собой.

Картавым голосом вороньим
Оглашено в ночной тиши,
Что нет дороги посторонним
В дремучий мир моей души.

Тогда я ухожу из дома
Куда ведёт звериный глаз,
И я б не пожелал знакомым
Со мной встретаться в этот час.

А днём плыщу лесного злака
С моей страхнёшь ты головы.
По гороскопу ты — Собака,
Совсем не пара мы, увы.

Пора бы нам поставить точку —
Понятно и тебе, и мне,
Но мой детёныш — наша дочка —
Опять поскуливал во сне.

Она пока что ходит прямо,
Но клык уже торчит чуть-чуть.
Что ждёт её? Не волчья яма,
Так человеческий скользкий путь.

Давно охотники уснули,
Но мне не греться у огня:
У них серебряные пули
Уже отлиты для меня.

Татьяна Юфит Англия

Родилась в Томске. С 1998 г. живёт в Лондоне. Закончила Томский государственный университет и Британскую Академию Графологии. Стихи публиковались в сборниках, изданных в Москве, Томске, Лондоне, Тель-Авиве. Финалистка двух международных поэтических турниров «Пушкин в Британии», член отборочного жюри конкурса «Эмигрантская лира». Автор книги «Я сменила три земли».

* * *

День в августе ещё лучист,
но — невесомый —
Слетает первый жёлтый лист,
танцую соло.
Один — покуда хоровод
багряных братьев,
Зимы приветствуя восход,
игру подхватит.
И — танцовщицей рождена —
на небе сонном —

Светла и медленна — луна танцует соло.
Кружиться миллиарды лет —
как это просто,
Когда вокруг кордебалет —
сплошные звёзды!
Ловя причудливый узор фантазий лунных,
Ведёт о Вечном разговор
смычок на струнах.
На миг мелодия замрёт,
чтоб взвиться снова.
Танцую день, танцую год. Танцую соло.

* * *

Голос пропал — не пела.
Где же была ты, птица?
Что же ты улетила
От ключевой водицы
В клетку? — Опали крылья,
Дни не листает ветер,
Солнечные, тугие,
Не обнимают ветви.
Звезды в окошко — пеплом
Выгоревшей свободы.
Голос пропал — не пела
Годы.

Елена Лапина-Балк Финляндия

Родилась в Санкт-Петербурге. Окончила Ленинградский Институт Точной Механики и Оптики, факультет «Квантовой физики», и одновременно — отделение журналистики ФОП. В настоящее время живет в Хельсинки.

Член финского ПЕН-клуба. Составитель, редактор-составитель альманаха «Иные берега» 2002-2006гг. г. Хельсинки. Руководитель международной творческой ассоциации «Taivas». Руководитель проекта литературного альманаха русскоязычной мировой диаспоры «Под небом единым». Член редакционной коллегии антологии «Небо без границ». <http://pod-nebom-edinym.ru/>

Цхинвальские зарисовки

В стиле хайбун*

* * *

Ираклий стоял посреди дороги, не зная, куда ему идти — просто он опять ничего не помнил...

Последние время такое случалось часто: выходил из дома, а куда идти или возвращаться, уже не мог вспомнить. Вот и сейчас, еле передвигая ноги (он почему-то был в домашних тапках) делал несколько шагов вперёд, поворачивался на 180 градусов и опять несколько шагов вперед... а вокруг люди... люди. Ему вспомнилось: старики, женщины, дети... и он мальчишка — все медленно идут по дороге, заполненной раскуроченными грузовиками, танками... Но тогда была война, врагами были немцы, а что сейчас? кто враги? и почему стреляют?

Подошла девочка лет пяти, взяла в свои маленькие ладошки сухую руку Ираклия, прижалась к ней влажной щекой: «Ты кто, ты тоже потерялся...», а я маму потеряла, пошли вместе, я не буду плакать, честное слово». А ещё она достала из кармашка платяница печенинку и протянула ему, Ираклию, со словами: «И ты не плачь... мы обязательно найдёмся».

И они пошли вместе со всеми на север. пути в никуда случайно пересеклись у разных жизней

* * *

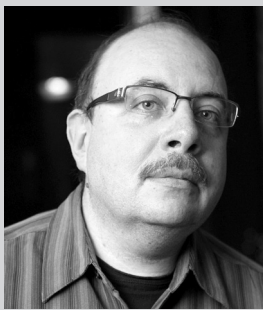
Это был дом, который уже никого не ждал... Это был дом, в который уже никто не спешил...

Он смотрел своими слепыми глазами разбитых окон в небо, но различить на нём солнце, облака и хрупкую мирную синеву уже не мог. Память кричала в пустых, сгоревших комнатах детским плачем, а реальность кружила над лежащими на полу трупами — Рустами, Наны и маленькой Тамрико. Даже ходики на стене остановились, старые ходики с кукушкой, которые держали только ради забавы Тамрико. Вместе с ними остановилось и время...

«Кому я теперь нужен», — подумал дом. И когда ветер с севера запричитал, зарыдал, обнял его — он не выдержал и рухнул.

И кто дал право
жизнь оборвалась ночью
небо свидетель

«Хайбун» — небольшое прозаическое произведение, нередко заканчивающееся трёхстишием.

Андрей Корчевский США

Родился в 1966 году в Алматы, Казахстан. Эколог, доктор биологических наук. В Казахстане опубликованы поэтические сборники «Приближение весны», «Клеопатра, Клеопатра» и «Однажды, навсегда». С 2009 года живёт и работает в США.

Дом

Другой дорогой, по другой равнине,
сквозь дым лесов,
где ветки прячут свет,
ты едешь в дом, где у тебя в помине
соседей нет.

Сюда не ищут путь лихие люди,
и праведникам вряд ли он знаком.
В тиши, в глуши,
как в замкнутом сосуде
на дне морском.

Пусть тени дней не пляшут
в тёмных кронах,
пусть дом тебя хранит, как Бог, суров —
а стены здесь из чутких, просмоленных
сосновых снов.

Карт не бросай — как, мол,
пойдёт кривая,
не слушай, что шепчет дождь в ночи.
А коль читать, то книг не раскрывая,
свет не включив.

Рояль

Пусть тишина глотнёт
горсть отрешённых нот,
пусть захлебнётся эхом —
на лучшей из планет
сердцам лекарства нет,
потерям их, прорехам.

Так кто он был — хромой
настройщик, предок мой,
иль органист церковный?
Мне с соловьиных лет
сей гулкий люб скелет
и в квинтах строй неровный.

Иль бабочек ловил
под баховский клавир
во сне, в степной траве я,
и ночь вошла светло,
как поднялось крыло
небесного Стейнвея.

Пять нот — как вздох, как весть.
Бессонница, и весь
открытый томик Фета.
Что скажут зеркала?
— Как жаль, что жизнь прошла,
и ничего не спето!..

Но здесь — исток и зов.
Как механизм часов,
творящий жизнь из праха.
Как над обрывом сад,
где клавиши гласят,
не знающие страха.

* * *

Я верю в ДНК стиха,
в наследственность словесной ткани.
Пусть к югу тянутся снега
и в небыль сказанное канет.

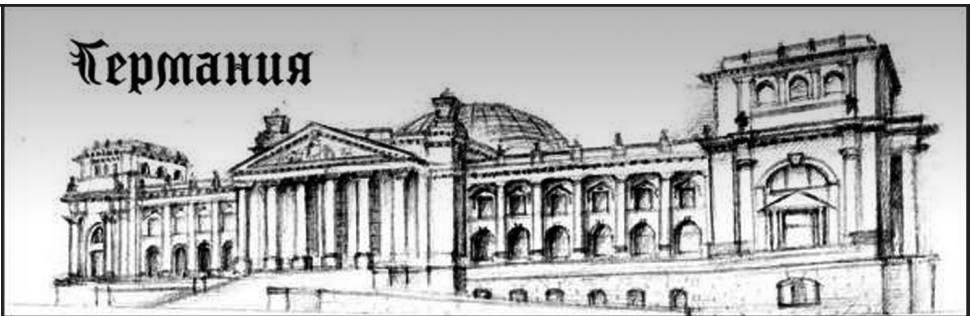
Пусть нем Монмартр и пуст Парнас,
и впору бросить, сожалея,
что с небом связывает нас
лишь лента огненного клея.

Но те, кто перьев не чинил —
они не знают, им не важно,
как проникает кровь чернил
в подкожный полусон бумажный.

В глуши, под звёздным решетом,
в степях похищенной Европы,
кому ты отвечаешь, кто
тебе отсчитывает стопы?

Пускай неловко, не с руки,
но дверь поддастся, чиркнет спичка —
и поведет инстинкт строки,
небесных ямбов перекличка.

И дом, как водоём, глубок,
и в лунном мареве обманном
беседует кудрявый бог
с провинциальным графоманом.

«Паром»: восемь лет в море интеркультуры

Verein DIE FÄHRE

«Die Fähre» означает по-русски «Паром». Так называется созданное в 2003 году в Ганновере (Германия) «Общество содействия немецко-русским литературным контактам». «Паром» был призван обеспечить постоянную связь, поддерживать контакты между двумя «берегами» одной великой реки, именуемой Литературой. Чётко был определён и маршрут «Парома» – переводы с одного языка на другой.

История возникновения Общества такова. Однажды кто-то из иммигрантов, слушателей группы по изучению немецкого языка, принёс на занятие, которое вёл Хольгер Швенке, книжечку стихов этого преподавателя. А почему бы не перевести их на русский язык? Нашлись среди слушателей люди с немалым литературным и журналистским опытом, пожелавшие попробовать силы и в качестве переводчиков с немецкого. На следующем занятии на столах перед слушателями лежали книги стихов, принадлежащих перу Хольгера Швенке. Вскоре его «учениками» были переведены на русский язык поэтические сборники «Светло-голубое», «Синхрон», «Окуляр времени» и др.

Постепенно вызрела идея создания немецко-русского объединения литераторов. Было избрано правление, в которое вошли его «отцы»-основатели. Председателем стал Хольгер Швенке. Впрочем, была среди основателей и «крёстная мать» – Мелита Нейман, как говорится, переводчица от Бога. К этому времени в её личном архиве ждали своего издателя переводы пьесы Самуила Маршака «Двенадцать месяцев» и стихов Иосифа Бродского.

В середине 2003 г. было покончено со всеми формальностями, и «Паром» отправился по избранному им маршруту. С тех пор он стал заметным явлением не только в культурной жизни Ганновера, но и Германии в целом.

Дебют «Парома» состоялся осенью 2003 г. с чтением произведений Иосифа Бродского выступил своеобразный дуэт: Виталий Шнайдер – по-русски, Мелита Нейман – по-немецки. Без преувеличения можно сказать, что на немецком языке, может быть впервые, прозвучали переводы, достойные замечательного таланта нобелевского лауреата. Вниманию аудитории были представлены новые книги Хольгера Швенке и их русские переводы. Хольгер Швенке – доцент Ганноверского народного университета (VHS), автор семи сборников стихов; переводит с английского и французского на немецкий.

Виталий Шнайдер – заместитель председателя Общества «Паром», автор трёх сборников стихов и публикаций в различных журналах мира, в т. ч. и переводов с немецкого. Активным «паромовцем» является Сергей Викман – автор двух книг, а также интересных публикаций на исторические темы.

Мелита Нейман – талантливая переводчица на немецкий язык как русских поэтов-классиков, так и современных авторов – хорошо известна слушателям.

В последние годы «Паром» пополнился новыми одарёнными людьми. Среди них хочется назвать Нину Мазур, театроведа, драматурга, члена Международной ассоциации театральных критиков (ЮНЕСКО), а также Совета директоров Международной ассоциации моноспектаклей (ЮНЕСКО). Теперь Нина Мазур живёт в Ганновере. Она – инициатор и руководитель ряда международных театральных фестивалей в 2004 - 2008 гг.

Сборник статей «Gloria» (авторы статей – известные русские искусствоведы; перевели на немецкий члены «Парома» Мелита Нейман, Мария Мокова, Юрий Ткачёв и др.) стал ещё одной существенной страницей в истории «Парома». При Обществе с прошлого года функционирует издательство EDITION FÄHRE. С этим фирменным знаком увидели свет книги Хольгера Швенке «31 Tage» («31 день»), «Zeitglas»; «Иные берега» Виталия Шнайдера, «Монопьесы» Нины Мазур; очередные номера ежегодника «Палитра» и русско-немецкого литературного журнала «Студия / Studio», готовятся к печати новые издания.

Общество «Паром» выступило организатором творческих вечеров композитора Аркадия Мильмана (Ганновер), мима Арнольда Саражинского (Гамбург), немецко-русского хора «Сударушки» (Шаумбург), детского театра и детской музыкальной школы Брайнина (Ганновер), а также целого ряда мероприятий в культурно-просветительных заведениях города.

На борту «Парома» трудится дружная команда литераторов, лекторов, музыкантов, певцов, заинтересованных в сближении «берегов», во взаимопонимании и сотрудничестве.

Иосиф МОКОВ
Ганновер, Германия

Марина Яловая

Родилась в Харькове, большую часть сознательной жизни прожила в Москве, в 1995 году эмигрировала в Германию. В настоящее время живет в курортном Бад-Ненндорфе.

Коснись плеча нечаянно
До ошущенья запаха.
Нет ничего случайного,
Нет ничего внезапного.
Движения прозрачные
Для каждого живущего
Давным-давно означены,
И вряд ли что упущено.
Пути твои отмечены
Погонею за смыслами,
Но в мудрой книге вечности
Всё за тебя написано.

Как включается свет,
Разрывая висок,
Как дается ответ –
Очень прост и весом;
Как является мысль
Озареньем в ночи,
Не цепляясь за смысл,
Не касаясь причин;
Как приходит тоска
К проживающим день,
Как стремится рука
Ухватиться за тень;
Как пульсирует звук,
Тормоша, теребя,
Как сцепление рук
Вдруг пугает тебя,
Как болит голова,
Принимая удел, –
Так ложатся слова,
Разрывая предел.
Так прозрачен и тих,
Словно вздох у реки,
И рождается стих,
И слетает с руки...

Я бреду по лужам мокрым
Сонными ногами.
Небо и кусочки окон
Из-под них – кругами.
Дождь – сплошной пеленою,
И, дрожа от ветра,
Листья жёлтою копною
Затаились в ветках.
Я не знаю, с кем мы были,
Плача и печалась,
Я не знаю, как мы жили,
Если не встречались.

Я слишком часто стала уезжать,
Вокзалы суетливые сменяя,
То – уходящий поезд догоняя,
То – от себя надеясь убежать.

Я слишком часто стала улетать,
Почти гордясь своим
непостоянством,
Фиксируя не время, а пространство,
Где можно календарь назад листать.

Я слишком часто стала уходить,
Оправдывая простоту ухода
Попыткой осмысления свободы,
Желаньем от себя освободить...

Виталий Шнайдер

Родился в 1954 году в Одессе. В 1962 году переехал в Таллинн. Журналист. Работал в русскоязычных газетах Эстонии, а также репортёром на телевидении. В Германии (г. Ганновер) с июля 2001 года. В течение шести лет был главным редактором ежемесячного русско-немецкого журнала. Входит в Союз немецких журналистов и прессы (DPV e.V.). Выпустил три книги стихов: «Прерванный сон», «Знак совпадения», «Иные берега». Автор публикаций в периодике Эстонии, Германии, России, Украины, Бельгии, Великобритании. Поэт, публицист, переводчик с немецкого языка.

Парковый этюд

Bad Nenndorf

Здесь почти Ван Гоговские поля, –
горизонт уходит куда-то
вверх,
растворяется там,
и миндаля
горьковатый запах,
и меры сверх
свежего воздуха,
коего гладь,
греясь на солнце,
даёт миражи;
но солнце заходит,
и вот опять
поля Ван Гога – они от бога, –
поля Ван Гога
из спелой ржи.

Я прожигаю время,
Лежу на диване – жгу,
В землю не сею семья,
С телеэкрана не лгу.

Тихий, домашний, кроткий,
Я кристаллически чист,
Как Смирновская водка,
Как неисписанный лист.

Люди строят дороги,
Любят, сжигают мосты,
Пьют, возводят остроги,
Быются в сетях суеты...

Жизнь кипит за стеною
Тесной моей конуры,
Я ничего не строю –
Лежу и глаза закрыл.

Конец любви. Печальные предметы
Загромождают комнату, пылясь.
Дым сигаретный, медленно клубясь,
Неясные рисует силуэты.

За окнами деревья неодеты.
С асфальта убирает дворник грязь.
Неспешно облака плывут, стремясь
В тот край, где в небо смотрят минареты.

Один как перст, по комнате пустой
Он бродит, проклиная жребий свой,
Угрюмый одиночества заложник.

Табачный дым рисует силуэт
Той женщины, которой больше нет,
Как некий в Лету канувший художник.

За слово правды ненависть вельмож
Снискал поэт на склоне дней своих,
Но вызывает сладостную дрожь
И бьётся, словно живчик, новый стих.

Рождается он в злые времена,
Когда темна, как погреб, жизнь вокруг,
Как будто в искупление дана
Нам чаша этих горестей и мук.

Как будто, пригубив из чаши той,
Мы, прежде чем уйти в небытие,
Поймём предназначение своё
И примиримся со своей судьбой.

«Мы крепко связаны разладом...»
Арсений Тарковский

И.З.

В твоей судьбе нет места для меня.
Любовь ушла, исчезла безвозвратно,
И бесполезно звать её обратно
Во тьме ночной или при свете дня.

Спасаясь от губящего огня,
Мы разошлись по жизни безоглядно.
Нас чернь с тобой судила беспощадно,
И мучила тебя твоя родня.

Все кончено, лишь пепел да руины,
И путь в кабак по улицам не длинный,
Где заливаю водкою я боль.

Мы были крепко связаны разладом.
Тебя мне видеть издали позволяй,
Теперь мне, право, большего не надо.

М. Я.

Сидеть впотьмах, не зажигая света,
смотреть в окно, потягивать вино.
Над скатом крыши мелкая монета, –
то лунный грош, разменянный давно.

Стук каблучков по улице негромок,
и эхо тонет в недрах мостовой.
И лунный лучик серебрится, ломок,
как этот мир, придуманный тобой.

Германия

Нина Мазур

Окончила Государственный институт театрального искусства им. Луначарского (ГИТИС) в Москве и аспирантуру в ЛГИТМиКе (С.-Петербург).

Театральный критик, драматург, поэт. Член Международной ассоциации театральных критиков (ЮНЕСКО), член немецко-русского литературного общества «Die Fähre» (Ганновер), а также Международной ассоциации писателей и публицистов (АРИА, Лондон). Пьесы Нины Мазур в оригинале и в переводах поставлены на сценах многих европейских театров, её стихи и театроведческие статьи печатаются в периодике разных стран.

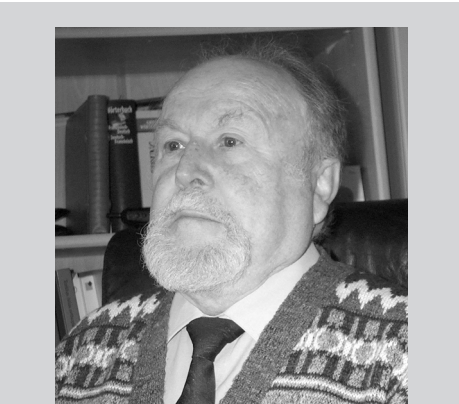
* * *

**Стою, и летучие мыши
Мою задевают свечу.
Звучание мира всё тише...
Я тоже сейчас замолчу,
Чтоб тот, кому ведомы знаки,
Расслышал шуршание крыл
И светлую точку во мраке
От ветра ладонью закрыл.**

* * *

**Хотелось, чтоб мурлыкал самовар,
Чтоб шаль узорная мне согревала плечи,
Но от свечей струился лёгкий жар,
И ты сказал: «Какой прекрасный вечер!»
И кто-то пел: «Луной был полон сад»,
Но мне не верилось
в существование сада...**

**Накину шаль и оглянусь назад:
Был сад — и нет,
И, кажется, не надо.**

Иосиф Моков

Родом из Украины. Словесник и историк. Окончил Винницкий пединститут (филфак) и Киевский университет (истфак). Стихи и поэтические темы печатались в Англии, Эстонии, Украине, Германии. Член Международного союза литераторов и журналистов (АРИА). Редактор альманаха «Палитра», член правления общества «Die Fähre e.V.». В Ганновере с 1996 г.

Магнолии в цвету

**Как будто пламенем объяты,
Стоят магнолии в цвету,
Они впитали свет заката,
Небес прозрачных чистоту.**

**За речкой вспаханное поле.
Чуть внятных запахах волна.
В холодном пламени магнолий
Сгорают ранняя весна.**

**Цветов фарфоровые чаши
Сияют хрупкой красотой,
Подобно брэнной жизни нашей,
Недолговечной, непростой.**

**Увянет их убор нарядный,
Но будут по весне опять
Магнолий пышных канделябры,
Как отблеск вечности, сиять.**

Перун

**Томилась ночь, изнемогая
под душным одеялом туч.
Она ждала, ещё не зная,
как он неистов и могуч.**

**А он катил пустую бочку
и бил по крыше кулаком,
рвал с треском на груди сорочку
и чиркал огненным пером,
зигзаги в небе оставляя;
ломал деревья.**

**А потом
он в лужах без конца и края
плескался шумно под дождём,**

**который словно из ведра
вдруг хлынул ровно в семь утра.**

* * *

**Каганец луны курился
Сизым дымом облаков.
Серебристый Буг струился
Меж тенистых берегов.
Месяц будто снежной пылью
Припорошил всё вокруг.
Между сказкою и былью
Серебрился древний Буг.**

Ольга Кудрявцева

Родилась в Иркутске. Жила на Алтае, Камчатке, Кузбассе, Украине... Окончила Киевский политехнический институт.

Автор сборника стихов «Виноградный цвет». Публиковалась в журналах России, Германии, Эстонии. Подборки стихов вошли в различные антологии: «XXI век», «Киевская Русь» (Современная русская поэзия Украины) и др. Член литературного общества «Die Fähre».

* * *

**Мне с Вами холодно.
И холодно без Вас.
А благодать
всё не спешит спуститься.
И сердце крылышками хлопает,
как птица.
И вот — я перед Вами
без прикрас
посередине матушки-Европы...
И мой оптимистический запас,
периодически мне кажется,
ухлопан
почти что полностью, поверьте.
Здесь, у нас
осадки ожидают лишь в среду.
Голубиной,
впадающей в экстаз,
глядит с высот сиятельная даль
на эти маленькие радости и беды
и обещастья шлёт.
...А я — иду обедать.
Ну, эка невидаль — те взгляды
голубые.
Мне с Вами холодно.
И холодно без Вас.**

* * *

**По рассыпанным полям
С кружевной каймой деревьев
По холмам, как море древним,
Мокнет тёплая земля.**

**Ловит дождевую трель
Куст, проснувшийся недавно.
И глядит глазами фавна
Новорожденный апрель.**

* * *

**Потускневшие листья
по земле растеклись,
и средь темных стволов,
обнимающих ветками небо,
ветер замер за миг
до того, как зажглись
отражения звёзд на воде,
словно крошки упавшие хлеба.
Словно в этом покое
колышется ночь,
зарождается нового
утра тугое движение.
И безмолвствует время,
не в силах помочь,
повторяя беззвучно в себе,
как на глади воды, отраженье.
Повторяя в себе
этот зов тишины
и длинноты стволов,
и рассеянность листьев опавших,
и неясную завязь
не сказанных слов,
и блуждания осенних ночей,
и сиротство...**

С Новым годом,
с новым счастьем...

На ноябрьские праздники подморозило. Анна Петровна Курочкина вывела погулять своего пса Жульку.

Вообще-то пса звали Джульбарс. Анна Петровна была одинока, мужа похоронила рано, детей не было, и всю свою нерастрченную нежность обратила на собаку. И потому Джульбарс по определению должен стать Жулькой. Больно сурово звучало Джульбарс. Анна Петровна была женщиной весьма интеллигентной. И потому, когда она называла Джульбарса Жулькой, на память ей приходили классические строки: «Что в имени тебе моём?» За точность воспроизведения текста она не ручалась. Но не упустила бы случая, рассказать кому-нибудь о своих соображениях на эту тему. Но кому об этом скажешь? Где сейчас найдёшь интеллигентных людей? Она помнит реплику соседа на её фразу: «Жулька мой плохо кушает». Сосед только и сказал: «Ну, Петровна, даёшь!» Анна Петровна так и не могла понять, что в её словах «не показалось» соседу. Оттого, что в голову пришло это слово «не показалось», она подумала о том, как засоряем мы «наш великий и могучий». И тут же мысленно укорила себя: «Ах, не можем мы жить без штампов».

Жулька, кобель неопределённой породы, по молодости своей был резв необычайно. Не удержался он и этот раз, увидев таксу. Такса игриво твякнула. Жулька, несмотря на кривизноность и низкорослость таксы, рванул в её сторону. Вот уж истинно, любовь — загадка. Впрочем, может, там и не было любви, а было простое юношеское любопытство.

Анна Петровна, державшая собаку на поводке, не выдержала напора своего четвероногого друга, поскользнулась на подмёрзшей луже и упала, тяжело ударившись об асфальт. Подняться сама она была уже не в силах. Жулька проявил определённую чуткость. Он забыл на время о таксе, подбежал к своей хозяйке и лизнул её в щёку. Благодарная Анна Петровна хотела, было, погладить пса, приподнялась на локте. Но голова у неё закружилась, фиолетовые круги пошли перед глазами, и она потеряла сознание.

Когда в машине скорой помощи Анна Петровна открыла глаза, первым её вопросом было: «Где Жулька?» Вопрос был обращён к хозяйке легкомысленной таксы. Хозяйка таксы, девица лет двадцати, приходилась Анне Петровне соседкой по парадной. И сейчас она решила, видимо, сопровождать Анну Петровну до больницы по долгу добрососедства. Дальше «Здравствуйте, Анна Петровна», «Здравствуйте, Верочка» знакомство не доходило. И потому Анна Петровна была приятно удивлена, увидев Верочку в машине. Бог не дал Анне Петровне детей. А могла бы сейчас быть у неё внучка в возрасте Верочки.

Верочка успокоила Анну Петровну, сказала, что Жульку забрал муж Верочки, и с Жулькой всё нормально.

Анна Петровна ещё подумала: «Как рано Верочка вышла замуж». Но тут же её одолело беспокойство — не залежаться бы в больнице.

Однако Анна Петровна в больнице пробыла больше месяца. Верочка навестила её. Принесла три банана и два зелёных яблока. Сказала, что в зелёных яблоках больше витаминов, чем в красных. Анна Петровна согласилась с Верочкой, однако когда Верочка ушла, отдала яблоки соседке по палате. Больно твёрдые были яблоки, не по зубам Анне Петровне.

Бананы Анна Петровна положила в тумбочку «на потом».

Уже уходя, Верочка сообщила, что Жульку они сдали в питомник. Бумажку с адресом питомника Верочка передала в руки Анне Петровне. Наказала, чтоб не потеряла бумажку. Анна Петровна расстроилась, что Жулька в питомнике. Он же привык к дому, к теплу. Но на Верочку не досадовала: конечно, ведь чужие люди.

Вот уже вторую неделю Анна Петровна дома. Да всё как-то не обрататься к Жульке. Хотя, как ни вспомнит о Жульке, слеза накапывается. А перед новым годом стало совсем невмоготу, и Анна Петровна позвонила Верочке, чтоб расспросит, где находится эта собачья гостиница.

Ехала на трамвае целый час. Промёрзла до костей. А потом ещё автобус. Слава Богу, хоть отогрелась в нём. Благо, ещё по пенсионному удостоверению последние дни декабря можно проехать бесплатно. А что уж в новом году будет, Анна Петровна и думать боится. А ведь на Троицу надо бы на могилу к мужу съездить, а это с пересадками на другой конец города. Но до Троицы ещё далеко, зиму пережить бы.

А сейчас одна забота — как Жульку домой вернуть. Анна Петровна уже ему и косточки говяжьи приготовила: за окном в сетке висят. Холодильник-то испортился.

Мастер приходил, запросил за ремонт столько денег, что Анна Петровна только замахала руками. Сказала: «Креста на тебе нет». А мастер, рожа красная, наглая, говорит: «Как нет, старая». И показывает на шее крест золотой с ладонь размером.

«С попа снял что ли?» — несмело пошутила Анна Петровна. «Мы и сами не бедные», — ответил мастер. Он был явно не дурак, понял шутку Анны Петровны. Сказал: «Вертимся, крутимся». И блеснул золотым зубом. Однако посочувствовал Анне Петровне. Снизил цену наполовину, но у Анны Петровны и таких денег не было. А тут ещё пенсией задержали. Мастер сказал: «Как разбогатеешь, мать, звони». Телефон свой записал на обоях возле двери. «Чтоб не забыла».

Вот и питомник собачий. По лаю Анна Петровна определила. Как вошла в дверь, вонь тяжёлая в носшибанула. Встретил её мужик в камуфляжной форме. Сейчас на камуфляж мода пошла.

— Вы кто, женщина? — спросил строго мужик.

Анна Петровна слегка смутилась от подобной строгости, и потому как-то визгливо, ей самой даже не понравилось, выкрикнула:

— Курочкина я!

— А я Петухов. Ну, и что? — не сбавляя суровости, сказал мужик.

— За собачкой я пришла. Жулька... Джульбарс, — поправила Анна Петровна.

— Много тут всяких жулек, — мужик криво усмехнулся. — Всем давай собачку, а как платить за уход — некому.

— Я заплачу, — пролепетала Анна Петровна и достала пятьдесят рублей.

Мужик презрительно посмотрел на неё:

— Ты чо? Вообще? Показь квитанцию про собаку.

Анна Петровна подала квитанцию, что оставила ей Верочка. И хотела, было, возмутиться, что её на «ты» какой-то совсем незнакомый человек называет. Хотела сказать, что она сорок лет учителем работала, и никто голоса на неё не повышал.

Но все слова куда-то попрятались.

— А паспорт? — сказал мужик. — А, может, ты не Курочкина. Придёт настоящая хозяйка, скандала не оберёшься.

— Ой, не ношу я с собой паспорта, — испуганно сказала Анна Петровна.

— Ну, леги за паспортом и сто долларов за двухмесячное содержание собаки не забудь. А я посмотрю, жива ли твоя собака, — мужик хрипло засмеялся. Но, увидев, как изменилась в лице Анна Петровна, проговорил. — Шутка.

— Помилуйте, у меня вся пенсия восемьдесят долларов, — Анна Петровна ухватила мужика за рукав. Робко улыбнулась, хотя ей было совсем не весело. — Куда уж мне лететь с моими-то больными ногами.

Мужик вдруг подобрел, верно, подумал, что со старухи много не возьмёшь.

— Ну, ладно, пятьсот рублей и оформим усыновление. У вас кобель? — спросил он.

— Мальчик, — Анна Петровна, даже не заметила неожиданную вежливость собачьего мужика, стала судорожно рыться в сумке. — Вот четыреста пятьдесят рублей. Вот смотрите, только на дорогу двадцать рублей осталось.

Тут же испугалась, что мужик скажет: «У тебя, мать, дорога-то бесплатная».

Но мужик, не глядя, сунул деньги в карман.

Анна Петровна расписалась в журнале, что она новая владелица кобеля по имени Джульбарс. Расписалась неразборчиво и адрес свой указала неверно. Вдруг кто надумает отнимать у неё Жульку. Или счёт приплот за содержание собаки. На душе было радостно и тепло, что она с Джульбарсом будет Новый Год встречать. Уважительное имя Джульбарс как-то само всплыло в голове.

В Новый Год Анна Петровна выпила рюмку кагора. Ещё с лета стояла бутылка: куплена была на приезд сестры из Саратова, да сестра так и не приехала. Закусила пирогом с яблоками. Испекла, надеясь, что соседка заглянет, но соседка не заглянула.

Жулька лежал в ногах Анны Петровны и приятно согревал их.

Рассказ печатается с сокращениями

Елена Ерофеева-Литвинская

Россия, Москва

Мечта поэта

Сейчас кажется, что времена многотысячных тиражей и платных публикаций для поэтов давно канули в прошлое. Сборники стихов выходят крошечными тиражами, часто самиздатом. Поэтов читают только сами поэты, а «широкая аудитория» перекинулась на гляцевые журналы и детективы.

К счастью, это не совсем так: даже в современном мире ещё остался «островок поэзии», где поэзию читает огромная благодарная аудитория. Журнал «Работница», выходящий тиражом 92 тыс. экземпляров, ежемесячно печатает стихи современных поэтов на страницах «Поэтической тетради».

О читателях, создателях и авторах этой рубрики нам рассказала её ведущая, поэт Елена Ерофеева-Литвинская.

— Елена, Вы ведёте рубрику «Поэтическая тетрадь» в старейшем женском журнале «Работница». Похоже, на сегодняшний день это — единственный женский журнал, публикующий поэзию. Так вот, ощущаете ли Вы, что эти поэтические публикации нужны читателю (вернее, читательнице)? Может, эти страницы пролистывают, не читая — быстрее, быстрее к гороскопам? Может, поэзия «массам» не нужна?

— Действительно, современный медиарынок насыщен гляцевыми журналами популярного, но схожего содержания. «Работница» не только выжила среди огромного количества гляцевых изданий, но и составила им достойную конкуренцию. И главное преимущество издания — это его читатель. Безусловно, у гляцевых журналов тоже есть своя аудитория. Зачастую это люди с высокими доходами, проживающие в мегаполисах. Но эта категория читателей — всего лишь маленький процент от общего населения страны. А что читают женщины 25 — 60 лет, которые живут в регионах, работают в школах, магазинах, больницах или занимаются малым бизнесом, имеют семью и массу проблем? Они читают журнал «Работница». Это журнал читали их бабушки. Этот журнал читали их мамы. А сейчас в этот журнал заглядывают уже их дети. А у кого-то и внуки. ... «Работница» привлекает доверительным стилем общения с читателем, и в этом заслуга прежде всего главного редактора журнала Любови Ершовой, энергичного руководителя, прекрасного журналиста, замечательной женщины. Благодаря ей стало возможным открыть в журнале рубрику «Поэтическая тетрадь». Я верю, что публикации стихов очень нужны нашим читательницам, что они находят отклик в их сердцах. Доказательством тому — многочисленные письма в редакцию, где, среди прочего, отмечаются и стихи из «Поэтической тетради». Значит, читают, не пролистывают!

— На Ваш взгляд, зачем этой читательнице стихи? Что она в них ищет?

— Может, это банально звучит, но она ищет прежде всего бальзама для души. На страницах «Поэтической тетради» люди отдыхают душой, наслаждаются музыкой стиха, ищут созвучных себе эмоций и переживаний. Когда читательница говорит: «Как будто обо мне написано!» — это ли не лучшая похвала поэту? Хотя наше время и называют непозитическим, но, как и прежде, люди пишут стихи. Как и прежде, люди читают стихи, тянутся к светлomu и вдохновенному поэтическому слову. Какие бы ни были времена на дворе, жить без поэзии нельзя, можно только выживать. Она словно держит душу на плаву, не позволяя ей опускаться. Это мое глубокое убеждение, которое, смею надеяться, разделяют и читательницы журнала. Иначе бы они его не выписывали.

— Отличается ли чем-то Ваша поэтическая страница от литературных, поэтических «толстых журналов» в Журнальном Зале? Ведь целевая аудитория у Вас совсем другая!

— В общем-то, ЖЗ сейчас, наверное, читают филологи и сами писатели. А у нас — «мечта поэта», «чистый читатель». Стихи в «Работнице» читают, чтобы получить удовольствие, а не затем, чтобы проверить, «лучше ли я пишу». То есть читают те люди, для которых и пишутся стихи. Наши авторы — состоявшиеся поэтессы, выпустившие несколько своих книг стихов, члены Союза писателей России, Союза писателей XXI века и других творческих объединений, живущие в России и других странах мира. Среди них много молодых, уже получивших признание. Мы стараемся преподнести читателю поэзию высокого звучания, высокой пробы, тщательно отбираем материал. В основном, это любовная лирика, ведь «Поэтическая тетрадь» адресуется главным образом, женщинам, как более эмоциональным, тонко переживающим читателям. Но есть и много размышлений о времени, о жизни, о своём месте в этой жизни, о непреходящих ценностях.

— Кто из представленных Вами поэтов Вам особо запомнился?

— Трудно кого-то выделить. Все наши авторы очень талантливы и индивидуальны. Как и

замечательные поэтессы прошлого, все они учат прощать, верить, надеяться и любить. Но всё же хотелось бы отметить Юлию Резину и Светлану Дион, а из молодых — Наталью Лайдинен и Александру Крючкову. Юлия Резина живет в Нью-Йорке. Она удивительный мастер поэтического слова, восхищающий своими яркими, многозначными образами. Поэзия Александры Крючковой отличается глубиной, тонкостью, обнаженностью чувств и необычайным мироощущением. Это исповедь маленькой девочки и сильной женщины одновременно. Её образный мир населяют ангелы, босоногие королевы, ночные колдуньи и маги. Слог Натальи Лайдинен легок и воздушен. В её стихах звучат не только нежные и страстные любовные напевы — любовь воспевается автором во имя мира и человечности. Светлана Дион, живущая в Мадриде, — поэт, писатель, балерина. Она поистине пишет сердцем. Свойство её поэзии — вселять надежду в самых драматических ситуациях. Светлана основала и является президентом Международной Ассоциации Граждан Искусства, организации, поддерживающей русскую культуру во всем мире. Девиз Ассоциации — «Наше отечество — искусство».

— Елена, Вы — не только редактор. Вы ещё и поэт (наверное, правильнее было бы сказать «Вы, прежде всего, — поэт»). Как поэт, что Вас радует или огорчает на сегодняшней литературной сцене?

— Сейчас время Интернета и его сетей, и каждый, пишущий стихи, может разместить свои произведения — и прочитает других поэтов. Это не может не радовать. У поэта сразу появляется огромная аудитория читателей, он больше не пишет «в стол». В Интернете можно найти стихи любого поэта, который вас интересует, достаточно набрать фамилию в поисковике. Я, например, нашла редкие стихи Марины Цветаевой. Уже упоминавшаяся мной Наталья Лайдинен на своем персональном сайте создала Антологию женской поэзии (имея в виду, что авторы — женщины). Зайдите, почитайте — уникальный проект! Вместе с тем, не существует критериев отбора. Интернет захлестывают некачественные стихи, откровенная графомания. Это оборотная сторона медали. Ещё огорчает, что поэтов не издают бесплатно. А многие издательства не издают поэтов даже за их собственные деньги, объясняя это тем, что книги не будут покупать. В этом смысле «Работница» — уникальное издание, которое не только публикует поэтов тиражом 92 тысячи экземпляров, но и платит за это гонорар.

— У Вас очень нежные стихи. А правомерно ли, на Ваш взгляд, понятие «женская поэзия»? Существует ли она — или же поэзия только одна, Поэзия, и у неё нет пола? Кому как не Вам, редактору, работающему для женской аудитории, задать этот вопрос!

— Мне кажется, говорить о женской поэзии неправомерно. Это искусственное определение, непонятно кем придуманное. Тем самым мы поэзию как-то ограничиваем и загоняем в какие-то непонятные рамки. Что ещё хуже — в некоторых устах это звучит, как синоним второсортности. Разве можно великую Марину Цветаеву втиснуть в узкие границы так называемой «женской поэзии»? Поэзия есть поэзия, так же как и любое другое искусство. Мы же не говорим о женском кино, если фильм снимает женщина, или о «женском театре», если режиссёр — женщина. Что, спектакли Галины Волчек — это «женский театр»? Или фильмы Киры Муратовой? Или картины Зинаиды Серебряковой? А в поэзии почему-то такое определение укоренилось. Нет женщин и мужчин в поэзии, есть — поэты и не поэты.

— Елена, большое спасибо Вам за беседу — и за Вашу работу. В наши дни особенно отрудно видеть человека, несущего поэзию широкому читателю. Желаем Вам дальнейших успехов в этом замечательном деле.

— Большое спасибо и Вам. А Вашему изданию я желаю всяческого процветания и как можно больше читателей.

Беседу с Еленой ЕРОФЕЕВОЙ-ЛИТВИНСКОЙ
вела Наталья КРОФТС

Родилась и живет в Москве. Закончила театроведческий факультет ГИТИС им. Луначарского. Автор более 500 публикаций в прессе. Вошла как персоналия в энциклопедию «Русский балет» (БСЭ, «Согласие», 1997). Автор документально-художественных книг: «Сергей Захаров. Роман-биография» (Вест-Консалтинг, 2009) и «Сценарий для богини. 11 сенсационных историй о любви» (РИПОЛ Классик, 2009). Одна из авторов сборника исторических новелл «Русские богини» (Аст-Пресс Книга, 2005, 2007, 2010). Автор книги стихов «Февральские цветы» (Вест-Консалтинг, 2008) и 17 поэтических сборников в соавторстве. Вице-президент М.А.Г.И. (Международной ассоциации граждан искусства), Испания, Мадрид. Лауреат Всеукраинской Независимой литературной премии «Арт-Киммерик» (2008). Лауреат Международного поэтического конкурса «Серебряный Стрелец» (2008, США). Лауреат Международного литературного фестиваля «Русский Stil- 2009» в номинации «стильная проза». Член Союза писателей России и Союза писателей XXI века. Награждена премией и медалью им. А.П. Чехова «за верное служение отечественной литературе».

Во сне

Я летала во сне,
Я плыла в облаках,
Пребывая вонне,
Я купалась в веках.

По воздушной реке
От земных берегов
Я плыла налегке
Далеко-далеко.

Словно всё позабыв,
Все тревоги и страх,
Подхватила мотив
У Эоловых арф.

Серебристых высот
Разомкнула засов.
Нет обид и невзгод,
Стрелок нет у часов.

О, свобода! Какой
Упоительный миг!
За лазурной рекой
Есть небесный родник.

Там забвенья ключи,
Вечной жизни секрет...
Я парила в ночи,
Я встречала рассвет.

...Мчит людская река
На трамвайном кругу,
Я смотрю в облака
И взлететь не могу.

Подруга Осень

Не грусти, подруга золотая,
И не верь предчувствию беды.
В низком небе птицы, улетаая,
Оставляют лёгкие следы.

Осень, не жалея о невозвратном,
Всё идет извечным чередом.
По утрам в густом тумане ватном
Плавают прохожие с трудом.

Успокойся, отдохни немного
От весёлой летней кутерьмы.
Предстоит нам долгая дорога
В царство заколдованной зимы.

Время есть поразмышлять о вечном,
Звёздная спустилась пелена...
Осень, скоротаем этот вечер
За бокалом терпкого вина.

Время вдохновенья

Осень — время расставанья
С летней пышностью цветенья,
Размышленье, обожанье,
Осень — время вдохновенья.

Время медленного вальса
И янтарных переливов,
Золотом шитье на пьльцах,
Осень — время терпеливых.

Время лёгкого дыханья,
Листьев кружево, круженье,
Паутины колыханье,
Осень — время постиженья.

Время царственных чертогов,
Время вечности и тленья,
Подведение итогов,
Осень — время вдохновенья.

Я не вижу тебя во сне,
Я домой не несу цветы.
В этой трижды пустой Москве
Забываю твои черты.
В веренице бегущих дней
Растворяется тайна двух.
Я прошу: назови своей
Хоть вполголоса, хоть не вслух.
К чуть подмёрзшему витражу
Осень льнёт расписной листвою.
Не своя, не твоя брожу,
Хоть на миг ты меня присвой!
А иначе — ни жизнь, ни смерть,
Ты ведь знаешь — я всё отдам,
А иначе — ни синь, ни твердь,
Вот и маюсь — ни здесь, ни там.
Оттого так невесел взгляд,
Оттого не найдёт покой
Это сердце, что век назад
Ты согрел под своей рукой.

Мне жаль...

Мне жаль, что кончились слова
Твоей любви.
Но я по-прежнему жива,
И ты — живи.
Мне жаль, что жар всё холодней,
Всё реже пульс...
И мне, наверное, видней, —
Я не вернусь.
Ни в чем признаться не хочу,
Одна, в ночи,
Я затаилась и молчу,
И ты — молчи.
Наверно, я была права,
Сбежав от встреч,
Ведь мимолётная игра
Не стоит свеч.
Не развернуться кораблю
Да на мели...
Чтоб всё простилось нам, молю,
И ты — моли.

В спешащей круговерти дней...

В спешащей круговерти дней
Вдруг наступает миг молчанья,
Миг неподвижности теней,
Миг нашей встречи и прощанья.

Как беззащитен этот миг
И непосредствен по-детски!
Над этим мигом, словно нимб,
От лампы круг на занавеске.

И серебрятся на стекле
Мороза длинные ресницы,
И растворяясь в темноте,
Миг обещает нам присниться...

Абонент временно недоступен...

Недоступен. Не добаться.
Не услышать. Не прокрасться.
Не спросить. Не знать. Не ведать.
Не увидеть. Не доехать.
Не ответить. Не дожидаться.
Не пробыть. Не прижаться.
Не прилечь. Не прикоснуться.
Не дойти. Не дотянуться.
Не найти...

Вита Шафронская

Родилась во Владивостоке. Публикуюсь с 1986 в ряде периодических изданий («Литературной России», «Слово», «Русский Базар», «Экспресс-Европа», «45-я параллель», «День и Ночь», и мн. др.). Автор книг стихов «Впервые так...» и «Солёная палитра». Член СП России с 2004 г.

Лауреат и финалист нескольких Всероссийских и Международных литературных конкурсов. Живу в Пскове.

* * *

За облаками — тот же яркий свет,
За облаками — тот же чистый воздух,
Там, вдоль спирали заповедных лет
Мерцают достигаемые звёзды,

Там под зеркальным сводом
слов и строф
Роса людских желаний камень точит,
И на руинах свергнутых миров
Душа Земли о Будущем хлопочет...

* * *

Туман над городом повис,
Затихли жизни звуки...
Всё обретает новый смысл —
И встречи, и разлуки.

Ночей бессонных череда,
Затянется, наверно,
И наступившая среда
Как омут — безразмерна.

Тому, что называлось мной,
Не до восторгов. Нечем.
Я застарелою виной
Себя опять увечу.

И путаюсь, где глубь, где высь,
Что серебро, что золото...
Всё обретает новый смысл,
Когда душа распята.

Когда, увы, не ко двору,
Ни ты, ни эти строфы,
И забираешься к утру
На пик своей Голгофы.

А там — всё та же тишина,
И никого. Лишь окрест
Луны сквозь тучи желтизна
Да ветра грубый посвист...

Перед сном

С обложки хитро смотрит Алладин,
Соседствуя на книжной полке
с Блоком...

Ну вот, и день прошел. Ещё один
Из череды не встретившихся с Богом.
Всё некогда, всё второпях, бегом...
Причин — что тех снегов в полях —
по пояс;
Не стать бы самому себе врагом...
Туда ль иду? О том ли беспокоюсь?..

По мне ли ноша, неужель бескрыл?
Да жив ли сам?
Наверно — жив, покуда
Душа моя не выбилась из сил
И как ребенок верит. Верит в чудо...

Владивостоку

Так снится Детство —
верный, добрый друг...

Не намекая, что исчезнет вскоре,
Оставит после долгих лет разлук
Шум слившегося с горизонтом моря...

Огромных сопок яркие макушки,
Песчаных кос нестройные ряды,
И на одной из них — твои следы...

Вести из Пскова

Представленная подборками стихов трёх авторов, Псковская писательская организация в настоящее время находится в сложном положении. Широкая книгоиздательская программа после 2003, юбилейного для Пскова года, постепенно была свёрнута. Последний выпуск альманаха «Скобари-5» состоялся в 2004 году. Никаких программ по поддержке писательской организации в Пскове не существует.

Тем не менее, книги издаются (к сожалению, не всегда качественного содержания), есть идеи по организации и учреждению новых литературных праздников, а ряд псковских авторов время от времени публикуются в различных российских изданиях.

Под крики чаек выплеснет на брег —
На зыбкие, сыпучие холсты —
Звезду и разноцветные ракушки...

Восторженный, и не заметишь ты,
Как на измятый край
твоей подушки
Всю ночь катились слёзы
из-под век...

* * *

Чёт-нечет, лад-не лад,
Сойдутся в рукопашной,
В итоге — шах и мат
За день пустой вчерашний.

Плюс затяжной прыжок
В бессонницу-белугу,
В окно луны кружок,
Да чистый лист под руку...

Но в новый день с утра
Как в омут с головою:
«Пора, мой друг, пора!..» —
Шумит сентябрь листвою,

Моих касаясь щёк,
Под дуновеньем ветра...
Как зелени ещё
Полно на крепких ветках,

Так сил во мне с лихвой...
А то, что наревелось —
Забудь. Мне не впервой
Про жизнь так горько пелось.

* * *

Как уютно этой ночью —
В темноте горит свеча,
И под сбивчивое «Отче...»
Ангел дремлет у плеча.

А с незримого помоста
Смотрит молча, чуть дыша,
На сияющие звёзды
Восхищённая Душа...

* * *

О тебе — ни слова, ни предлога,
Словно ты придумана была,
И черты возвышенного слога
Благодать июньская сожгла;

Тяжела хлопот насущных поступь
И тревог постыла круговерть...
Ночь темна. И безучастно звёзды
Этой жизни созерцают твердь.

* * *

«Ладошка к ладошке,
Поспи немножко,
Дурёха.
Сама не знаешь,
Что хорошо,
Что плохо...
Сама не знаешь,
Кого прощаешь,
По ком плачешь,
И для кого
Ты хоть что-нибудь
Значишь....
В постель вжалась
Твоя жалость,
А ты — рядом,
Глядишь хмуро,
Шепчешь: «Дура,
Оно мне надо?!...».
Июльский ветер
В свои сети
Поймал шторы...
Ладошка к ладошке,
Поспи немножко —
Рассвет скоро...»

Андрей Бениаминов

Родился в Пскове, в 1968 г., здесь же живу и служу в Главном управлении МЧС России по Псковской области.

Публиковался в сборниках стихов «Русские», «Часовые памяти», «В Ордена зажённой искры». Член Русского литературного клуба, Союза писателей России, серебряный лауреат международной литературной премии имени Сергея Есенина за 2010 г. в номинации «Интернет-поэзия».

Перекрестимся?

Старый сор да хлам — из избы долой,
По больным местам — кипятком-смолой,
Былью-небылью, болью дикою —
Из огня костра, да в Великую*.

Белым полем путь, грязью-жижею,
Гонит горем нас с мест насиженных,
Русской поступью да лихой бедой:
Кости рассыпью по земле святой...

Что мерещится? Что там чудится?
Перекрестимся...
.....Может, сбудется?

**Великая — река в Псковской области*

А тишина осталась тишиной...

А тишина осталась тишиной,
Хотя её стреляли и взрывали,
В неё орали, брызгая слюной,
Её не раз сиреной разрывали,
Неоднократно мучили войной.

А тишина осталась тишиной...
И в той тиши лишь шёпот откровений
И звуки уходящих вдаль сомнений
И воздух, очарованный весной
И ты в обнимку с ветром и со мной.

Ведь тишина осталась тишиной,
А значит, есть надежда на восход,
На то, что снова сердце запоёт,
На радость встреч, объятья под луной.
На тишину, что будет тишиной...

* * *

Я ушел от разборок и склок,
От фальшивых страстей и обид,
И опять лихолетье дорог
Моет пылью мои сапоги.

Я ушел, видно вышел мой срок,
Вновь по миру иду налегке:
Деревенского сала кусок,
Да горбушка в заплочном мешке.
Пусть шипят за моею спиной,
Мол, не выдержал, сдался, слабак...
Я сегодня богат тишиной,
А не лаем дворовых собак.

И на пыльном кленовом листе
Напишу пару строк, пару фраз,
О любви, и о вечной мечте
Стать счастливым хотя бы на час.

Игорь Исаев

Поэт и прозаик. Родился в городе Пскове в 1973 году. Работал учителем литературы и русского языка, корреспондентом, редактором. Стихи публиковались в «Литературной газете» и журнале «День и Ночь». Автор трёх книг. Член СП России. Живёт в Пскове.

* * *

На бархатную осень уходить.
На шелковое лето — возвращаться.
Лелеять и беречь в своей груди
Уютный угол для любви и счастья.

Устав от дел и заболев от встреч,
Ты запираешь двери, чтоб прибраться.
Но пустота имеет свойство жечь
И мучить сопредельное пространство.

В твоей груди грохочут поезда
И не дают ни спать, ни осмотреться.
От слёз и мук рождается звезда
И тихой болью зарастает сердце.

* * *

Н.О.

Тоску закрасив, боль изъяв,
Внутри зима, снаружи — лето,
Ты говорила: «Мы друзья», —
И я почти поверил в это.

Вот год почти уже прошел.
Я изменился. Ты — другая.
Нам друг без друга хорошо,
Так даже вместе не бывает.

Ещё полслова не сказав,
Нам главное: не забываться.
Друг другу не смотреть в глаза;
Рукой к руке не прикасаться.

* * *

В три месяца лютующей весны,
Когда тошнит и аж дыхание спёрло,
Приходят стаей алчущие псы
Трепать мое простуженное горло.

Не приготовить слово поострей,
С традицией и вкусами не ссорясь.
Ещё поется, — значит, пой да пей,
А время приготовит острый соус;

Даст настояться, щедро обольёт
Да так, что после смерти не отмыться...
А за окном — небесный ледоход
И целый месяц не летают птицы.

Запутавшись в каштановом плену
И в облаках предгрозовой сирени,
Всех обману. Себя не обману.
И двух сердец земное тяготенье...

* * *

Абы кого — не хочется.
Абы кому — не молится.
Ну, здравствуй, одиночество.
Я снова за околицей.

Сестра, наверно, Каина,
И мне — сестра по жизни ты.
Дул ветер неприкаянный
И даже сны пронизывал.

Мешает ветер проклятый
Песок с печалью жмениями.
Дома зияют окнами,
Слепые от рождения.

Эх, кто помянет прошлое,
Тому сидеть на якоре.
Бутылка — спящей кошкой.
Стакан у ног — собакою.

Зачем уводить лошадей

*«И осталось всего ничего, разве только холсты.
А на них неземные закаты, и лошади скачут...»*
А.Макаревич

Как бы ты ни начал историю, все равно найдутся недовольные. Поэтому мы пропустим начало и оставим героя там, где видели в последний раз. Ветер треплет его шевелюру, развеивает широкие рукава рубашки, а цветастая тень рукава ползет, ползет над лесом, источаясь в дымке времени...

— Поздравляю москвичей с открытием нового памятника! — громкий голос мэра вознёсся над маленькой площадкой, где кучка собравшихся обступила, завешанную тряпкой, фигуру.

— Скульптура подарена нашему городу цыганской диаспорой. Перед вами известный конезаводчик и меценат Михо Радобур!

Двое помощников сдернули со статуи покрывало. Цыганский барон возвышался на своем постаменте, важно сложив руки, а его закрученные усы вдруг озорно сверкнули в лучах солнца. Собравшиеся потоптались вокруг, разглядывая памятник, но любопытство уже было удовлетворено. Мэр произнес еще несколько торжественных фраз о скульпторе, очередном юбилее и полезности меценатов в целом. Говорил он громко, тщательно скрывая неуверенность, поскольку уже успел забыть, по какому поводу памятник и чего от него хотела цыганская диаспора.

К вечеру и без того тихий переулочек опустел. Припаркованные по краю иномарки расплозились в свои спальные районы, сняв наглые колеса с тротуаров. По мостовой пробежали и прошествовали мягкие подошвы, процокали каблучки и под занавес, с вызывающим треском, прокатилась тачка дворника.

Бронзовый Михо моргнул и поправил ус. Он хитро огляделся по сторонам, тяжело снял ногу с постамента и шагнул вниз. Время заморозилось.

Очень трудно пробудиться от столетних воспоминаний. Но если из-под тебя вынимают опору... Маршал Жуков очнулся в неудобной позе — он лежал на земле с торчащими прямыми ногами, лошади и след простыл. На кривых полусогнутых к нему, вниз по улице, уже ковылял, так же недавно проснувшийся и весьма возмущенный, князь Долгорукий.

— Эх, когда б с высоты увидеть! — бормотал он, злясь на себя за долгий сон и удивленно разглядывая незнакомый город.

Бронзовые кони пропадали один за другим. Опустела крыша Большого театра. Опустела крыша главного здания ипподрома. Одинокие струйки фонтана били на Манежной площади в разные стороны, не находя массивных фигур с дерзко вздернутыми хвостами.

Услышав умелый посвист, три битцевские лошади снялись с места и затрусили на север Москвы. С громким хлопом наполовину выдернувшись из болота лошадь Мюнхгаузена. Последний так и не успел сообразить, что происходит — все это время он задумчиво тянул себя за волосы, и рядом с ним громоздились и рвались ввысь накопленные сокровища памяти. Георгий Победоносец обнаружил себя балансирующим в воздухе над неподвижным змеем.

Кутузов и Багратион, который раз на этом веку, в своем общем сновидении величественно шествовали по Парижу на своих красавцах-конях, занятые увлекательной беседой, а изящные силуэты юных парижанок маячили впереди, и от этого улицы казались украшенными, словно елки в сочельник.

Однако не все спали в этот весенний вечер. Юрий Никулин издалика услышал крадущиеся шаги и легкую дробь копыт. Он с любопытством смотрел в направлении шагов, пока в конце улицы не показался приземистый человек в шляпе, ведущий под уздцы разнокалиберных коней. Пожав плечами, Никулин забрался в автомобиль и зарулил в темный проулок, под прикрытие родного цирка. От греха подальше.

Герои «Разгрома» Левинсон и Метелица тоже не спали. Посовещавшись, они отдали своих коней добровольно, в пикну погруженному в грезы автору, маячившему за их спинами. Они отчаянно скукали.

Заскучал и Михо Радобур. Надежно спрятав похищенных лошадей, он забрался на свое место и задумался.

— Простовато выглядит мир из вечности, — поведал он бродячему псу, примостившемуся у подножия. В неподвижности памяти есть свои достоинства: ты можешь войти в любое сквозное окно... Если отдернуть завесу. А, какую там завесу — занавеску! Тонкую занавесочку памяти. Вот ведь скажи: к чему человеку целая жизнь, когда нет после нее ничего?

Пес беспокойно повертел головой из стороны в сторону и принахался, не в силах обнаружить, что именно его беспокоит.

— Не услышать меня твоими ушами, не услышать. Надо ступить туда, где время остановилось... Верующие знают о жизни вечной. А невечная куда девается, когда душа уходит выше? Богатства, потомки, любовь, наслаждения? — Пес порывисто втянул носом влажный вечерний воздух и уткнулся в лапы. — Кладовые памяти... Чтобы они сохранились, нужны окна времени, — бронзовые пальцы Михо совершили круговое движение и соединяясь на чем-то невидимом, сморщили пространство, отодвигая в сторону теплый московский воздух и пропуская цветной туман с ароматами трав и далеким жужжанием пчел.

Молодой парень в хлопающей на ветру яркой рубашке пристально вглядывался в противополо-

ложный берег реки. Там просыпался город. Лодки погромыхивали веслами, со дворов доносились выкрики детей и лай собак. Из всего многообразия звуков парень старался вычлениить ржание лошадей. Хотя и без того известно, что лошадей нынче в городе много.

Лекса подошел неслышно и встал рядом. Заговорил на родном языке.

— Ну что, завтра ночью? Михо сомневался. Он оглядел табор. Уголки вчерашнего костра еле-еле дымились. У костра сидел мальчишка и мучил гитару. Жаль было потерять всё. Так они еще никогда не рисковали.

— Думаю я, Лекса, — тихо заговорил он. — Уводить гусарских коней слишком опасно. Целый полк...

Лекса передернул плечами. — Не полк, часть лишь. Перепьются они, вот и все дела. Думаешь, ночью кто за лошадьми приглядывает? Не. Половина разбегается по подружкам, остальные пьют и в карты. Управимся!

— Догонят! — Первый раз как будто?

С этим было не поспорить. Но Михо тоже успел все разноухать в городе. И увидеть, что подступиться к отдыхающему полку, или даже его части, как утверждает брат, почти невозможно.

— Не уведешь их оттуда! Стойла в глубине, не подберемся.

— Так и знал, что ты это скажешь, — торжествующе сообщил Лекса. — Я этой ночью подобрались к стойлам. И скажу тебе, ничего мне это не стоило.

Братья посмотрели друг друга в глаза.

Пес, что-то почуяв, встал, отряхнулся и побрел прочь. К бронзовому Михо собиравлись гости. Пушкины явились все вместе, хотя к делу отношения не имели. Однако любопытство взяло верх над спокойствием вековых снов. Кроме тех, кого обокрали, к месту расследования потянулись еще несколько знаменитостей. Михо с трудом оторвался от воспоминаний. Жужжание пчел все еще стояло в ушах, спина ощущала далекий ветер.

— Куда дел лошадей? — Багратион с трудом сохранял спокойствие.

— И зачем тебе столько чужих коней не ко времени? — раздался нервный голос. Самый большой из Пушкиных сложил на груди руки и укоризненно посмотрел на вырвавшегося вперед бойкого двойника.

— Отчего ж не ко времени, — с достоинством отвечал Михо. — А спрятал я их надежно, не ищите, пока не расскажу.

— Куда он смог упрятать дюжину коней? — гремел Долгорукий. Рванувшегося в бой князя уже удерживали собравшие по несчастью.

— Прячу коней я в складке времени, — туманно пояснил цыган. — И вот зачем. Хочу устроить скачки. Настоящие скачки, каких не видал я при жизни. Знаменитый конезаводчик, а скачки устроить ни разу не захотел — что люди скажут?

— Еще бы тебе при жизни с ворованными конями бега устраивать!

— Ишь чего захотел!

— А ну верни!

— А теперь люди что скажут, не увидят же, — хмыкнул Кутузов. Остальные резко затихли. Как-то и в голову никому не пришло, что люди их не видят. Цыгане всегда жили с размахом, но к чему сейчас их размах, когда все окружающее тебя общество заковано в бронзу... Однако Михо был готов к такому вопросу.

— Да все равно! Если я и боялся чего в своей жизни, так только скуки!

— Да когда ты успел соскучиться, — снова не выдержал один из Пушкиных, — только поставили ведь!

— Я слишком долго стоял в мастерской.

Лекса носился по поляне, собирая огрызки тряпок, щепки и прочие следы пребывания табора. Какой смысл, утрирую подумал Михо, все в городе знают, что здесь стояли цыгане.

Табор уже ушел далеко. Вернее, должен был успеть уйти далеко. Лекса что-то тихо напевал: про костры, волно и острог.

— Тихо ты! — одернул его Михо. — Не накличь.

Он взглянул на редкие огни за рекой и подумал о том, что сейчас, наверное, Нари отправилась просить лесных отцов об удаче. А этот распелся.

— Тихо, — на всякий случай повторил он. — Дай подумать. Переправляться обратно будем вброд?

Лекса запел про переправу. Михо сбросил на него свирепый взгляд. Впрочем, в темноте не было видно свирепого взгляда. Лекса всё равно почувствовал его и замолчал. Он лихо свернул веревку, перекинул через плечо, огляделся, проверяя, не забыл ли еще какую-то вещь и в два прыжка оказался рядом с братом. Михо молча указал направление, и они двинулись к переправе.

— Идут и идут! — бушевал Юрий Долгорукий. — Вороги!

— Ну уж, — примирительно пробормотал Фадеев. — Какие вороги, зрители. Интересуется классик скачками.

Классиков было два, вылитые близнецы, но тот, что с Гоголевского бульвара, казался моложе. Они сразу подошли к Пушкиным и принялись тихо спорить.

— Где, где бега будут? — вертелся вокруг любопытный Левинсон.

Маршал прислонился тем временем к стене и не спеша набивал трубку. Он уже размял ноги и с удовольствием ступал сапогами по бульвару.

— Мы говорили о дорогах, — один из Гоголей отделился от группы писателей и двинулся к Михо.

Маргарита Каганова

Родилась и живёт в Москве, училась на историка и редактора, но основная профессия — дизайнер-верстальщик. Участник разных поэтических проектов и сетевых конкурсов фантастики. В 2008 году вышел сборник стихов «Пустой караван».

— Где ты отыщешь дорогу, что выдержала бы тяжелых бронзовых коней?

— Я уже нашел, — загадочно улыбнулся цыган. — Но путь предстоит долгий. Делайте ставки, господа!

Долгорукий взревел.

Михо неслышно двигался в темноте от одного длинного силуэта к другому, отвызал, перекидывая веревки, еле заметными жестами успокаивал готовых заржать коней. Лекса с помощью хитро придуманной системы отвлечения денщиков кошкой, готовил отступление. В тот момент, когда караульный у ворот позорно оставил свой пост, раздался тихий свист, неразличимый в доносящейся из окон музыке и хохоте гусарских плотов, и десяток лошадей гуськом потянулись через темный двор. Еще через мгновение Лекса подхватил под уздцы последнего коня и, оставив позади чернеющий проем ворот, братья устремились к реке, еще не веря, что их дерзкий план удался.

— Эй, почему открыты ворота? — донеслось вслед.

Взлетная полоса приветственно горела огнями. Как и обещал Михо, найденная им дорога могла выдержать сколько угодно тонн скачущей бронзы.

— Долгорукий придет первым! — настаивал Гоголь.

— Я за Долгорукого! — поддержал Фадеев.

— Лучше моего коня нет! — горячился Кутузов.

— По рукам? — предлагали Пушкины Фадееву и Кутузову.

— Как вас считать, за одного или двух?

— Битца победит!

— Шиш вам, Манеж!

Кони, приведенные цыганом, уже стояли на старте. Некоторые били копытами. Поодаль паслась хилая лошадь Мюнхгаузена.

— Позвольте! — хозяин протиснулся к Михо. — Я знаменитый путешественник, барон Мюнхгаузен, и я не разрешаю...

— А, тоже барон! Тезка! — обезоруживающе улыбнулся цыган. — Внимание!

Он свистнул, и земля затряслась. Десятки медных копыт грохнули о бетонные плиты. Черные силуэты летели вдоль взлетных огней, разбрасывая тучи искр. Казалось, сама взлетная полоса двинулась навстречу. Лошадь Мюнхгаузена стояла все на том же месте, ее челюсти интенсивно двигались. Казалось, она сжевывала сам воздух и все, чем был напичкан воздух: дорога с разметкой, огнями и участниками улывала обратно, затягивалась серпантинном в это размеренное жевание. Пространство сворачивалось. Поверхность покачнувшись, дрогнула, и памятники стали валиться друг на друга.

Михо нахмурился. Он на миг потерял сознание и перед глазами снова поплыл знакомый цветной туман: Лекса что-то кричал, они мчались прочь от переправы, не разбирая дороги, а гусарские кони на глазах менялись в размерах, росли и уменьшались, вытягивались и толстели, приобретая неуклюжие, невиданные формы...

— Что творится? Остановите ее! — истошно вопил то ли Лекса, то ли кто-то из Пушкиных. «Стой! Ыть! Коняка моя, ты что творишь!» — кричал Мюнхгаузен, и, перекрывая прочие крики, спокойно звучал голос Георгия Победоносца, который говорил что-то насчет нарушенного времени...

— Что за сброд мы увели? — недоуменно произнес Лекса, рассматривая разномастных зверюг и боязливо обходя новообретенный табун по кругу. Михо оценивающе посмотрел на добычу. У гусар не могло быть таких лошадей. Или он ничего не понимает в конном деле. Когда он отвызалывал их, подобных не было. Вот таких, как этот тяжеловоз — не было. Или как эта тонконожка. И почему их бока так отливают бронзой? Или показалось в темноте... Но вот один конь точно стоит всего улова. За него дадут много, очень много, только б теперь не попасться.

Немногие московские старожилы заметили, что лошадь маршала Жукова весьма окрепла в ногах, а четверка на крыше Большого театра поменяла масть. Конь Долгорукого построилел, а Мюнхгаузен теперь тянул из болота коня, по пропорциям сильно превышающего всадника, но поскольку случайному прохожему видна лишь половина лошади... Да и какие случайные прохожие смотрят на памятники! Кому они сдались, эти лошади. Кому, кроме своих собственных хозяев, да бронзовой фигуры цыгана, ухмыляющегося в усы?

Маргарита Шмерлинг

Сонет в потёмках

*Я согбен и поник совсем,
целый день хожу в потемках
Псалом царя Давида №38*

**Иные точно знают, что писать,
Кусочки славы унося в котомках.
На них стоит, отчётлива, печать —
Премудрые. А я хожу в потёмках...**

**Иные точно знают, как писать,
Не суетясь о вечном, о потомках...
На них лежит Господня благодать.
Счастливые! А я хожу в потёмках...**

**Иным известно, для кого писать,
Кому — их строки на страницах ломких.
За них — горой апологетов рать,
Они нужны. А я хожу в потёмках...**

**Я просто не умею — кем-то стать,
Я лишь пишу. Вот — образ...
Вот — тетрадь...**

Моему деду

**Я помню — памятью чужой —
Неповторимый, странный город,
Дворцы, украшенные гордо,
И пар от лошадиной морды,
И говор, выющийся ужом
В колоннах тяжкого собора...**

**Я помню тесные дворы
И роскошь каменных парадных,
Тюремной крепости громаду,
И плеск в граните безотрадном
Невы, спокойной до поры,
Под грузом кораблей нарядных...**

**Я помню узкие мосты,
Где дамы и простолоюдинки,
Спасая тонкие ботинки,
Опасливо обходят льдинки, —
Проворные без суеты,
Изящные, как на картинке...**

**Я помню непонятный страх
В глазах, в словах, во всей повадке
Людей, до удовольствий падких.
Как будто тленья запах сладкий
Лежит, как иней, на стенах
Столицы, города — загадки...**

**Я — не боюсь. Мне всё равно,
Кого тревожат страх и голод.
Я там, в воспоминаньях, молод...
Нас двое: я и этот город, —
И нас обоих нет — давно...**

Скверный сонет

**Ах, как невыразимо грустно это! —
Но следует из множества примет:
Жизнь неуклонно движется к зиме,
Весна забыта, миновало лето,**

**Мой дальний путь теряется во тьме,
Мой дар — как отсвет гаснущего света,
Как временем истёртая монета,
Уже не золото, ещё не медь.**

**Как я боюсь привыкнуть не иметь,
Не озарять, не греть, не петь, не сместь,
Ненужной ветошью храниться где-то...**

**Я — тень когда-то бывшего поэта,
Но я дышу, я отрицаю смерть
Последней строчкой скверного сонета.**

Другой август

*Входит солнце в янтарный вечер,
будто косточка в абрикос.
Ф.Г. Лорка, Август*

**Затихают все, кто полнит
летний полдень, жаркий полдень
гулом, шелестом и звоном.**

**Раскрывает им навстречу
тёплый зонт заката вечер, —
золотое на зелёном**

**в ярких сполохах багряных
облаков, зарёю пьяных.
Тихо тянут лапы тени,**

**завивая ночи кокон,
к тёмноте безлюдных окон
по ещё горячим стенам.**

**Солнце томно тает, тает,
звёзд стремительная стая, —
просыпающийся Аргус, —**

**замирает в ожидании...
Это встреча — и прощанье,
это август. Просто август.**

Аскольд Борисович

Любимая математичка Аллочка уходила в декрет. Седьмой класс как-то не верил, что учительница, бывшая с ними на протяжении целых трех лет неразлучно, вдруг куда-то уйдет. Ощущение, что Аллочка принадлежит еще кому-то, возмущало детские души. Но, растущий животик симпатичной молодой учительницы утверждал обратное. И вот, однажды, она исчезла бесследно. Наступили безмятежные дни безделья. Замены не было месяца три.

Но как-то раз, ярким весенним утром в классе возник — он. Высокий, прямой. С длиннющей седой бородой, белой лохматой головой, в крошечных круглых очках, помещающихся на кончике унылого носа так, что крошечные sereneкие глазки с прищуром смотрели поверх оправы. Немыслимые мешковатые серые хлопчатые штаны, какая-то нелепая рубашка, допотопные сандалеты на босу ногу... Он был похож на картинку из учебника, где изображались самые неимущие слои населения послевоенного периода. Но уж никаким образом не на учителя. С нашей, 13-ти летней точки зрения, лет ему было примерно сто! На доске отгрызком мела он накарябал «Аскольд Борисович». Класс вымер. Даже ржать не стали, настолько это было все нелепо и никак не вязалось с настоящим временем.

А между тем, учитель математики Аскольд Борисович оказался весел, как птичка. Он не давал заданий. Он не объяснял материал. Он редко кого-то вызывал к доске. А все классное время проводил в длиннейших разглагольствованиях на самые разные темы. Монолог этот проходил под мерное жужжание сорока двух детских голосов, потихоньку обсуждавших свои дела. И вновь наступили безмятежные дни безделья. Средняя школа валяла дурака, математики как бы и не было. Старшие классы, как выяснилось, тоже не утруждались этим предметом. Аскольд Борисович лихо загибал анекдотики на уроках, обращаясь преимущественно к хорошеньким старшеклассникам. Причем, анекдотики были рискованные, на грани, так сказать, приличествующих в школьных стенах.

Гром грянул внезапно. Под конец года началась зачетная неделя. Аскольд Борисович радостно, по-детски улыбаясь, выставил 30 двоек и 12 троек особо старательным зубрилкам, которые, как выяснилось, все же умудрялись самостоятельно заниматься.

Настроения ему это не испортило нисколько. Под возмущенные крики и слезы бездельников он выплыл из класса ровно по звонку, секунда в секунду. Привычки задерживаться для выдачи домашнего задания у него не было.

Неизвестно, что было бы, если бы сплетня о двойках по математике у половины старших школьников, долетела бы до РОНО. Но, к счастью, внезапно в ситуацию вмешался директор, испугавшись глобальной порчи общих показателей школы. Какое объяснение произошло в директорском кабинете — неизвестно. А известно лишь то, что на следующий день, поутру Аскольд Борисович выплыл в класс с пальцами, прячущими над клавиатурой, с непередаваемой воздушной лёгкостью перебирая только в им ведомом порядке комбинации белых и чёрных клавиш. Они словно живут своею собственной независимой жизнью, а исполнитель лишь их продолжение. Большой бриллиантовый вальс Шопена разлился по кабинету, обдавая слушателей лёгким игривым ветерком звуков, завораживая так, что душа уносится в заоблачную даль...

Кашель! Всего лишь сдержанное покашливание одного из слушателей и вдребезги весь полёт! Пальцы заплетаются, вьются в узлы, попадают мимо нот, словно по клавиатуре барабанил две коряги.

— Сева! Да что с тобой делать-то, а! Убери свои культики от инструмента!

— Простите, Николай Сергеевич, ну не могу я так, когда на меня смотрят, — чуть не плача выдавливает из себя ученик.

— Сева, тут всего-то два чужих человека. А через двадцать минут на сцену. Как госы сдавать будем?

— Не знаю.

— Не знаю! Сколько раз говорил, забудь про всех, не смотри в зал, уставься в одну точку.

— Я пробовал, но меня посторонние звуки сбивают.

— Так, с меня хватит! У нас есть аптечка? Мне валидол, этому вату! ...

...Последний виртуозный пассаж, кода бриллиантового вальса блеснула напоследок и затихла. Обертона финального аккорда ещё долго гуляют по огромному концертному залу — хлопать на экзамене не принято. Поклон и марш в предбанник с одной единственной мыслью — доиграл. Не вымучил корявыми пальцами! Не залажал! Доиграл! — ликует чуть ли не вслух, но строгий взгляд Николая Сергеевича остужает пыл. Сева, поудоро следует в кабинет, вынимая на ходу беруши. Он слишком хорошо знает своего руководителя, этот взгляд не предвещал ничего хорошего...

— Сдал? Ну, так вот, — Николай Сергеевич демонстративно закрыл крышку рояля.

— А теперь, подожди. Чуть я тебя до осени не видел! И если ты за лето со своим бзиком ничего

Екатерина Асмус

Родилась в Санкт-Петербурге в 1967 году. По образованию — художник-модельер. Как художник-постановщик участвовала в создании таких кинокартин, как «Бедный, бедный Павел», «1814», «Столыпин. Невыученные уроки» и др.

С 2007 года пишу песни и стихи, за это время побывала с гастролями, как автор-исполнитель, в СПб, Москве, Хельсинки, Ювяскюля, Тарту, Нью-Йорке, Витебске, Базеле. С 2011 года веду две авторские программы на радио: «Мария» — «Найти себя» и «Петербург» — «Звездочка удачи». Пишу повести, сценарии, пьесы, рассказы, сказки.

неизменной радостной и детской улыбкой на заросшем седой бородой лице и сообщил, что все двоечники получают тройки «авансом». А пересдача назначена после летних каникул.

Ну, а в следующем году я уже была в другой школе. Что забавно — в математической.

И вот, на зимней заснеженной трамвайной остановке стоит — он! Без малого тридцать лет прошло! Высокий и прямой! Длиннющая седая борода реет по ветру, белая разлохмаченная голова... В крошечных прямоугольных очках, помещающихся на кончике унылого носа так, что крошечные sereneкие глазки с прищуром смотрят поверх оправы. Немыслимые мешковатые серые хлопчатые штаны, какая-то нелепая куртка, боты «прощай молодость»...

Впервые я увидела его жену — маленькую, согнутую прожитыми годами и болезнями, в очках с огромнейшими линзами, в безнадёжно старомодном пальто. Они стояли, на фоне серой небесной дымки, как скульптурное изваяние, держась за руки, абсолютно неподвижно и спокойно. Он возвышался над ее сторбленной фигурой, будто столп каких-то мифических устоев вымышленной страны. Казалось, они парили вне времени и пространства, словно пришедшие из иного измерения, случайно появившиеся в это время на этом месте.

Мне нестерпимо захотелось подойти... Но, я не двинулась с места.

Потом вошла в другую дверь, подошедшего трамвая.

Василий Быстров

Родился в 1979 году в г. Павлодар, в пригороде которого и проживает по сей день. За плечами машиностроительный, музыкальный колледжи и педагогический институт. Первые пробы пера состоялись примерно в 1999 г., дебютировал в сети на конкурсе Блэк Джек-8 (Самиздат, 2008 г.). Основное направление — фантастика.

не сделаешь, то этого, — руководитель указал на инструмент, — больше не увидишь. Понял?!

— Но, как же заниматься? Вы же знаете, у меня дома нет инструмента.

— Твои проблемы. Летом ты сюда ни ногой, я лично прослежу! Всё, кыш, кыш, домой...

Жаркое солнце, словно в сговоре с продавцами, загоняло покупателей под крытые галереи новой барахолки. Николай Сергеевич бродил в потребительских поисках. Вдруг из закоулка донеслись звуки аккордеона. Ничего особенного, на любом базаре можно встретить такого игроца, но этот уж больно хорош. А репертуар! Николай заслушался концовкой Либертанго. Следующим номером зазвучал брильянтом вальс Шопена. Сгорая от любопытства Николай Сергеевич пошел на звук.

— Сева?!

Парнишка оглянулся и приветливо кивнул, а пальцы без запинки так и парят над суетой, нисколько не стыдясь брошенной в футляр мелочи и нахальных зевая, продолжая полёт души.

— Выкрутился, шельмец! Зайдешь завтра за ключами.

Арсений Платт

Учился на океанологическом факультете ЛГМИ, работал в Ледовой разведке Арктического и Антарктического НИИ, участвовал в изыскательских партиях топографом.

Бывал и авиационным механиком, и дорожным рабочим в девяностые...

Сейчас работаю в Торгово-техническом центре. Живу в Санкт-Петербурге.

Пишу стихи. Реже — прозу. В 2009 году вышла совместная книга с поэтом Аленой Сократовой «Переключки».

Глебу Горбовскому

**Фонари сутулятся,
Снег — за воротник.
На вечерней улице
Запутал старик.**

**Обозлился на зиму,
Стужу матеря.
Видно, точный азимут
К дому потерял.**

**Слева лавка с вазами,
Справа темный сад.
Варежкой вязаной
Вытирал глаза.**

**Согревал продрогшего
Нехотя ватин...
Плохо, что из прошлого
Некуда идти.**

В осенний блокнот

**Ты видишь, от бессонницы устав,
Ночь в сентябре сменила мел на сажу.
Пройдемся от Дворового моста
По набережной мимо Эрмитажа?**

**Растягивая путь, замедлим шаг,
И тишина шум города заглушит.
А дождик будет падать не спеша,
По капле небо собирая в лужах.**

Школьный альбом

**При раскладе, при любом,
Дело к вечеру.
Перелистывать альбом —
Опрометчиво.**

**Осень. Белые виски,
Сны дурацкие...
А когда-то у доски —
Да про Чацкого!**

**Почему-то, время — яд,
Годы — вирусы.
Одноклассница моя...
Внуки выросли.**

И попрошу не миловать...

**Бывает так, что все — одно:
И ложь, и правда сущая...
Когда дождливо за окном,
А на душе — запущено.**

**Зевает память, задремав,
И не тиранит махемой.
Забот насущных кутерьма
Проскачет мимо мячиком.**

**Я дотяну дневную грусть
До вечера унылого...
А, может, Богу помолюсь
И попрошу не миловать.**

Мне б вернуться в Ленинград...

**Скоро тлеющий закат
Докрасна нагреет волны.
Значит, время бить в набат
На вселенской колокольне.**

**Врежет в колокол Звонарь
Так, что город ляжет плоско.
Закачается фонарь,
Словно пьяный Глеб Горбовский.**

**Мне б вернуться в Ленинград,
Сесть за стол, накрытый бедно,
И горланить до утра
Про любовь, что безответна.**

Очарованный Модильяни...

**Очарованный Модильяни,
Чтоб по Анне сильней грустить,
Обозначил рубеж желаний
Легким контуром травести.**

**Небо тронет дождями крыши,
Будет ветер трепать кусты.
Обреченному жить в Париже
Не заполнить ночей пустых**

**Ни вином, ни горячим телом,
Ни работой, что через край.
Увлекайся, меняй постели,
Беспощадно себя сжигай,**

**Доживай девять лет постылых,
Лей целебный на рану йод.
Не разрушить тебе бастилий,
Никогда не вернуть её.**

Марина Быстрыкова

Родилась в г. Екатеринбург в 1988г. Закончила Специализированный учебно-научный центр Уральского государственного университета (СУНЦ УрГУ) и Факультет искусствования и культурологии УрГУ.

Post Impression

**У меня в рукаве три козырных туза
И волшебный фазан.
На разбитой стене расцветает базальт
И кубится Сезанн.
Между страхом и бегом**

всегда есть бальзам

**Для улады глазам.
От заботы о хлебе замерзли леса
И зовут партизан.**

**У меня на кровати смущенный порок
Поправляет чулок.
А на маленькой кухне**

любимый ван Гог

**Приготовит пирог.
За высоким окном**

прокаженный божок

**Наставляет мирок.
Неуверенным жестом строчу эпилог
И смотрю в потолок.**

**На пологий карниз,
танцевально-пятнист,**

**Приземлился Матисс —
Наблюдать, как за скрипку**

берется арфист,

**И за сердце — садист.
Поэтический свист**

и графичный эскиз

**Все не могут сойтись.
Но движение лиц, получающих приз, -
Либо вблизи, либо вниз.**

**У меня в рукаве ничего, кроме сна
И летящих комет,
Когда наша планета нам стала тесна,
А другой еще нет.
Я предательски брэнна**

и тленно-честна

**Вот уже сколько лет.
Посади свое сердце — и выйдет весна
И бубновый валет.**

**Когда кончатся реки, леса и сердца,
Станет нечем дышать.
Мы родимся иными, без рук и лица,
Будем жить не спеша.
А пока — не гони меня,**

ночь, из дворца,

**Я не буду мешать.
Я не вижу начала, не вижу конца,
Я хочу продолжать.**